

clv

Дженни Робертсон

В кругу теней

clv

Christliche

Literatur-Verbreitung e.V.

Postfach 110135 • 33661 Bielefeld

© оригинала 1975 by Jenny Robertson
Название оригинала: The Circle of Shadows
© русского издания 1993
by CLV · Christliche Literatur-Verbreitung
Postfach 11 01 35 · 4800 Bielefeld 11
Перевод с немецкого: Elfride Siemens, Bielefeld
Оформление обложки: Dieter Otten, Gummersbach
Набор: Enns Schrift & Bild, Bielefeld
Типография: Ebner Ulm

ISBN 3-89397-191-2

Содержание

Глава 1	Купить раба	9
Глава 2	Деркк	17
Глава 3	Крик во тьму	23
Глава 4	Клетка, огонь и долг	35
Глава 5	Где же Деркк?	45
Глава 6	Плата за вину	55
Глава 7	Другой путь	67
Глава 8	Тень безумия	77
Глава 9	Нападение	95
Глава 10	Пещера Таммори	103
Глава 11	До весны	117

Предисловие

В своей книге „В кругу теней“ автор вводит нас в события 2000-летней давности, когда Римская империя все больше стремилась занять господствующее положение в Европе.

В 54-68 г.г. после Р.Х. в Риме правил император Нерон, чье имя вошло в историю. Из-за его ненасытной жадности власти и роскоши простые люди – христиане, как Клемент и Приска, были вынуждены бежать. Они нашли новую родину в одном из портовых городов, основанном греками в 600 г. до Р.Х. и названном римлянами Массилия – сегодняшний Марсель.

С древних времен (4000 – 1800 до Р.Х.) целые части Европы заселялись индогерманскими племенами, пришедшими с востока. На протяжении десяти столетий, предшествовавших Христу, из них выкристаллизировался народ, известный нам под названием кельты. Если первоначально они жили к югу от Дуная, в Богемии и Лаузице, то под натиском продвигавшихся на юго-запад германнов они постепенно оттеснялись в окраинные области Европы: в долины Альп, северную Италию, Францию, северо-западную Испанию, Португалию и на Британские острова. Дикие, презирающие смерть кельты в течение долгого времени наводили ужас на римлян, но в 200 г. до Р.Х. они были завоеваны ими. Лишь отдельные племена на севере Британии и Ирландии еще сохраняли свою независимость. В 43 г. после Р.Х. римляне захватили юг Англии, а в 82 г. после Р.Х. флот Агриколы обогнул берега Шотландии. Во времена, предшествовавшие кельтам, эту часть страны населяли пикты. Они оставили после себя незнакомый язык и прекрасно обработанные камни. Вырезанный на камне дикий кабан, крепость, захоронения и тринадцать стоящих полукругом камней недалеко от Дунадда и сейчас еще могут привести вас в

восхищение. Здесь начинается история Деркка – выходца одного из кельтских племен. Поскольку на севере Франции были кельтские племена – галлы, Деркк смог объясняться со старой женщиной, жившей у северо-западного берега Франции (ныне Бретань).

Хотя история кельтов состояла не только из волшебства и тьмы, в их религии все же были элементы магии. С помощью колдовства люди хотели подчинить себе богов, или темные силы. Это вело к заблуждениям и тьме. Деркк тоже соприкоснулся с колдовством, поэтому круг камней был для него полон теней.

Глава 1

Купить раба

„Нет, она еще молода, но, Филипп, она прямо-таки дикая!“ – уверял Тимон.

„И до сих пор никого не подпускает к себе“, – подтвердил Энтони.

„Даже с едой?“ – осведомился Филипп.

„Она ничего не принимает, ни от кого, даже малость“, – добавил Грегори.

„Как бы мне хотелось увидеть ее!“ – заявил Филипп.

Четверо мальчиков не спеша шли рядом. Их занятия закончились несколько часов назад, и они – как бы сказали их родители – попусту провели время после обеда. Но теперь Филипп должен был расстаться со своими друзьями, потому что он жил в другой части оживленного портового города.

„Приходи вечером“, – напомнил ему Энтони. Он был старшим в их группе. Его отец как раз купил молодую овчарку, и последние полчаса он и оба его друга только и говорили о ней Филиппу.

Филипп вздохнул. „Я бы охотно пришел, Энтони, но...“

„В чем же дело?“

„Мы могли бы встретиться в гавани“, – предложил Тимон. (Гавань находилась на полпути между домом Филиппа и их частью города.) Предложение было встречено с радостью. Гавань была любимым местом встречи мальчиков в любое время дня, но в особенности вечером. Это было время, когда рыбацкие лодки отправлялись в море и когда в толпе слонялись всевозможные странные и даже опасные личности. Они утешали себя мыслью, что, пока они вместе, с ними ничего не могло случиться, хотя Филипп знал, что ему не разрешалось туда идти после наступления темноты.

„Я приду, – тем не менее пообещал он. – До встречи вечером в гавани“.

За ужином он ел торопливо. В сущности, еды было совсем мало, больше времени ему бы и не потребовалось. Однако, к ним неожиданно зашел давний друг семьи – такое в их доме случалось часто. Гость без конца говорил, но, наконец, Филипп смог ускользнуть.

„Разве тебе не хочется провести сегодняшний вечер с нами?“

„О, мама!“ – Филипп остановился у дверей кухни. Даже не подымая глаз он знал, что лицо матери выражало тревогу.

„Твой отец хотел бы, чтобы ты иногда бывал дома. Знаешь ли ты об этом?“

Он не мог смотреть ей в глаза. „Да, знаю, но мальчики кое-что запланировали. Мне нужно быть с ними“.

Побежав к выходу, он услышал, как она вздохнула.

*

„Дорогой мой, меня беспокоит наш мальчик“, – обратилась Приска к Клементу, когда их гость ушел. Клемент – муж Приски – был слаб здоровьем. Они сидели в лучах заходящего солнца в ожидании небольшого круга людей, которые хотели собраться в их доме в конце этого весеннего дня.

„Разве его сегодня не будет среди нас?“ – спросил Клемент. Приска покачала головой, и оба вздохнули.

„Мне кажется, 15-летнему мальчику здесь слишком скучно без братьев и сестер“, – добавил Клемент, и Приска знала, что он подумал о ее других детях, умерших 20 лет тому назад. Тогда они жили в Риме; то было время, когда жестокий император велел умертвить тысячи невинных людей. Клемент был брошен в темницу и приговорен к смерти, а Приска спрятала двух своих маленьких детей в погребе других людей. Она присутствовала при их смерти и похоронила их с помощью своего верно-

го слуги Люция. Спустя три года Клемент освободили из тюрьмы, однако, вследствие ужасных условий и пыток, он стал калекой. Поэтому они вместе с Люцием бежали в Массилию – торговый порт на другой стороне Средиземного моря, где и родился Филипп. Новая родина оказалась Приске устрашающе изолированной: на севере находились еще неизведанные области. В самом же городе было относительно надежно, и он напоминал Рим.

Когда Приска зажгла лампу, ее мысли вновь вернулись в настоящее, к строптивости Филиппа.

„Я уверена, что ты прав, Клемент, – сказала она. – Филиппу нужен в доме младший товарищ“.

„И тебе, Люций, – обратился Клемент к старику, который сел на кушетку возле него. – Мне кажется, настало время расширить наше хозяйство. Нам нужен молодой человек, который помогал бы тебе и стал бы товарищем Филиппу“.

„Тогда, – медленно начал старик, тщательно обдумывая свои слова, – купите молодого раба. Позвольте мне взять с собой Филиппа, чтобы он участвовал в выборе. Однако, может быть, госпожа сама желает пойти...“ – добавил он.

Приска отрицательно покачала головой. „Мы вполне полагаемся на тебя, Люций“, – сказала она.

*

Тем временем Филипп сломя голову неся в гавань, позабыв о всех своих сомнениях. На полпути он столкнулся с мальчиком своего возраста, который шел по направлению к их дому.

„Прошу прощения“, – извинился мальчик, но потом, совсем другим тоном, почти умоляя, позвал: „Филипп!“

„Гай!“ В голосе Филиппа прозвучала нотка раздражения. Гай был сыном учителя, и еще несколько месяцев назад они были близкими друзьями. Но теперь, как считал Филипп, их пути разошлись.

„Я... я надеялся застать тебя дома“, – осмелился проговорить Гай.

„Время от времени мне нужно разнообразие, – бросил Филипп. – До следующей встречи, Гай“.

И он поспешил дальше.

„Не хочешь ли как-нибудь зайти ко мне?“ – закричал ему вслед Гай, но Филипп уже не слышал его. Гай медленно пошел дальше, ему было как-то не по себе. Дома было уютно, и он уважал Клементу и Приску, чувствуя себя у них свободно. Поэтому он не мог понять, почему Филиппу было дома так скучно, что он подался со своими друзьями Тимоном, Грегори и Энтони в другой, будоражащий мир.

Филипп не знал, что его отец страдал от приступов меланхолии и что Люций часто заставлял его мать в кухне в слезах, тоскующей по родине, когда наступало время зимних туманов.

„Наша отчизна в небесах“, – обычно утешал ее в таких случаях старик. Тогда они оба улыбались и снова принимались за работу.

Филипп уже пришел в гавань и наблюдал за отплывающими рыбацкими лодками. Совсем рядом с ним в воздухе пронесся канат. Крупный блондин, худой и с отвратительными шрамами, бросил его мужчинам в одной из лодок. Филипп знал этого рослого рыбака с северо-запада. Все его знали. Еще недавно он подбежал бы к этому человеку по имени Рудольф, который когда-то нес Клементу в своих сильных руках и с удивительным знанием и осторожностью ухаживал за ним. В последнее время Рудольф не так часто заходил к ним в дом. Говорили, будто он проводит все свое свободное время у бедных, убогие хижины которых ютились вдоль портовой стены. Филипп всегда восхищался Рудольфом больше, чем кем-нибудь другим. Его грудь и руки были покрыты поблекшей татуировкой и глубокими шрамами. Когда-то он был моряком, и его шрамы говорили о былых сражениях. Только на спине не было ни одного шрама.

Рудольф заметил Филиппа и что-то приветливо крикнул ему. Но Филипп не знал, что ответить, потому что краем глаза заметил, что приближались его друзья. Он почувствовал себя раздираемым между Рудольфом и ними. Как легко бывало доверять Рудольфу свои проблемы и маленькие нужды, которые беспокоили его – десятилетнего мальчика. Долговязый рыбак еще ни разу не разочаровал его. Как бы Филиппу хотелось теперь поговорить с Рудольфом, ну хотя бы о своей дружбе. Разве быть зрелым не означало находить новых друзей и покидать некоторых из своих старых? Не означало ли это, что ты перерастаешь своих родителей или, по крайней мере, то воспитание, которое они тебе дали? Но теперь было не до этого. Он поспешно помахал Рудольфу и пошел навстречу друзьям.

„До свидания, Филипп“, – прокричал ему вслед Рудольф и прыгнул в лодку. Но Филипп уже бежал с друзьями по узким грязным улицам, ведущим из гавани. Они столкнулись с каким-то стариком и опрокинули его корзину с вонючими рыбными отходами. Посмеявшись над его руганью, они сломя голову удрали.

Теперь мальчики направились к более спокойным улицам, пока не оказались вблизи великолепных вилл, принадлежавших богачам. Здесь Энтони и оба других мальчика чувствовали себя как дома. Они вошли в затемненный хлев за домом Энтони и окружили клетку, в которой ворчала молодая собака. Филипп подстраивался под мнение своих друзей и старался выглядеть таким же умным, как они.

Затем они, голодные и продрогшие, ринулись в огромную кухню, в которой множество рабов потели над своей работой.

„Опять одно из бесконечных празднеств отца“, – проинформировал Энтони после того, как потребовал от повара дать им что-нибудь поесть.

С полным желудком, набитым вкусной едой, Филипп, хотя и не беззаботно, отправился домой. Было очень

поздно. В их доме было темно, горела только одна маленькая лампочка. Филипп уже собирался на цыпочках прошмыгнуть мимо нее, как его позвал отец:

„Это ты, Филипп?“

„Да, отец“.

„Иди, посиди немного рядом со мной“.

Филипп послушался и придвинул низкую скамеечку к кушетке, на которой лежал Клемент.

„Твоя мать уже спит, – мягко начал Клемент. – Однако, она была сегодня озабочена“.

Филипп играл ремнем своего сандалия и молчал. Он знал, что отец не накажет его, но это еще больше все усугубляло.

„Мне очень жаль, отец“, – пробурчал он.

Клемент смотрел на поникшую голову своего сына. Конечно, он мог бы запретить ему встречаться с этими тремя друзьями, но это было не в его духе.

„Люций, твоя мать и я пришли сегодня к выводу, что нам в доме нужен новый слуга, молодой раб, который мог бы справляться с тяжелой работой и составить тебе компанию. Если ты не против, Филипп, то новый раб будет подчиняться тебе. Я бы хотел, чтобы вы с Люцием выбрали подходящего юношу. Согласен?“

„О, да, отец!“ Мысли Филиппа поспешили к его трем друзьям.

Ни одному из них еще не было доверено сделать подобный выбор. Как бы они завидовали ему, если бы узнали об этом! Конечно, они бы захотели сопровождать его.

„Хорошо! Тогда послушай, как вы предпримете покупку“. Клемент объяснил ему, сколько денег он мог дать Филиппу и на какие качества тот должен был обратить внимание.

„Прежде всего, будь милосердным, Филипп“, – закончил Клемент свою речь. Филипп кивнул головой, в то время как его мысли все еще были заняты тем, что он скажет своим друзьям.

„Отец, сегодня вечером, прежде чем встретиться с друзьями в гавани, я видел Рудольфа“, – охотно сообщил Филипп, когда они закончили свою беседу.

„Рудольфа? Как у него дела?“

„Я думаю, что хорошо“. Он снизил голос и перевел разговор на другую тему. „И знаешь, отец, я видел очень необычную собаку. Отец Энтони только что купил ее. Из Британии. Я не уверен, что кто-нибудь сможет приручить ее“.

„А что, она такая дикая?“

„Энтони говорит, что совсем дикая, как волк“.

Их беседа продолжалась дальше, пока Филипп не начал зевать, и отец без промедления отправил его спать.

Итак, вернувшись домой после скучного утра, посвященного греческой грамматике и упражнениям над дикцией, Филипп получил мешочек с деньгами, и они вместе с Люцием не спеша отправились на базар, расположен-

ный недалеко от гавани. Как он и подозревал, Энтони, Тимон и Грегори тоже пожелали пойти с ними. Поскольку Филипп хотел произвести на них впечатление, он – вопреки совету Люция – решился купить британского юношу с рыжими волосами и затравленным диким взглядом: юношу звали Коль Деркк Макквил.

Глава 2

Деркк

„Что это вы нам привезли?“ Хитрые маленькие глаза вспотевшего толстопузого торговца мрачно смотрели на худого моряка. „Они же чуть живые!“ – продолжал он возмущаться и с отвращением сплюнул в песок.

„Такие же, как мы! – ответил моряк. – Посмотрите только на наше жалкое судно!“ И когда торговец бросил беглый взгляд на выдавший виды, с изодранными парусами и подремонтированный досками корабль, тот быстро добавил: „Мы были чуть ли не на краю света, вот что я вам скажу. Мы пересекли совсем незнакомые воды и пережили немало приключений, могу вас заверить“.

Торговец снова сплюнул. Он знал моряков и их басни.

На лице моряка появилось задумчивое выражение, когда он вспомнил голые берега, безымянные горы и безлюдные побережья, на которые они взбирались, вооруженные до зубов, и на мягком белом песке которых они нашли куски зеленого мрамора.

„Пустынная, суровая страна, – пробормотал он про себя. – Солнце там не дает тепла, но когда оно, словно серебро, лежит над серым морем, тогда угрюмые темные рифы приобретают мягкую голубизну. Ну, а когда оно заходит! Тогда кажется, будто небо и море горят огнем...“

„За пустую болтовню я не плачу ни гроша, – ворчал торговец. – Вы же привезли мне каких-то несчастных тварей, кожу и кости. Только посмотрите, как они тут лежат!“

„Мы были рады живыми убраться оттуда, – продолжал моряк. – Остальным это не удалось. Все аборигены – настоящие головорезы. Они сражаются совсем голыми, только лучшие воины носят набедренники. Они полностью увешаны человеческими черепами...“ При мысли

о всех тех рассказах, которых он наслушался, его охватил ужас.

„Вот тот мальчик, – он показал на рыжеволосого пленного, который, как и другие, лежал в грязи совершенно нагим, – этот мальчик – настоящий воин, не побоюсь этого сказать“.

„Этот?“ Торговец с недоверием посмотрел на изможденного печального мальчика, который, должно быть, почувствовал их взгляды, ибо он с трудом приподнял голову. По-видимому, он узнал моряка. Но у него все плыло перед глазами, и он уже ничего точно не знал. Он вспомнил вражеский корабль и залитые кровью, скользкие палубы. Он думал о старой крепости, в которой собрались воины. Окруженная зарослями травы, она была расположена высоко, на одном из утесов, так что ее можно было видеть издалека. Внизу, среди болотистой местности лентой кружила река. С этого утеса они заметили вражеский флот, и здесь же накануне битвы собрались воины, передавая друг другу бокал очень крепкого напитка.

Мальчика, который был впервые удостоен принять участие в сражении вместе с воинами своего племени, звали Коль Деркк Макквил. Ему было всего 14 лет, он был круглым сиротой. Маленький мир, в котором он жил, вдруг разрушился, ибо его слепой брат-близнец – Коль Лайт Макквил, не пришел ни на совещание, ни на сражение. Эти близнецы, которым каким-то чудом удалось выжить, были похожи друг на друга, как две капли воды. Поэтому их обоих называли Коль в честь орешника, считавшегося святым, и их отца, умершего, когда они были еще совсем маленькими. Когда позднее волосы одного остались рыжими, а у другого потемнели, их стали просто называть „Рыжий“ и „Серый“ – Деркк и Лайт.

Мальчики росли вместе, и Деркк всегда заботился о Лайте и оберегал его. Люди говорили, что Лайт – необычный ребенок. Он обладал большим музыкальным талантом. Но прислушавшись как-то раз к его игре, люди

обнаружили нечто необычное. Что-то мрачное, суровое в его музыке побуждало их затыкать уши и в то же время что-то необыкновенно могучее заставляло их слушать дальше. Когда его спросили, откуда бралась эта сила, близнецы как-то странно и таинственно улыбались, и тогда люди сконфуженно уходили.

Когда настало время сражаться, Деркка допустили в качестве воина. Он был возбужден, в голове у него шумело от крепкого напитка, а сердце – как ему казалось – разрывалось на части.

Перед рассветом они, словно тени, пересекли болото. Они пробирались, стараясь быть незамеченными, пока бесшумным строем не остановились возле брода, глядя на тихий, никем не охраняемый корабль, паруса которого еще были спущены.

При первых лучах солнца они атаковали судно, голыми подобравшись к нему по воде.

Так как нападение застало врагов врасплох, они сначала отступили, а некоторые были сразу убиты. Деркк, будучи необыкновенно подвижным, оказался среди первых, забравшихся на корабль. Он видел страх в заспанных глазах мужчин, слышал их вопли и раздавшиеся крики спешных распоряжений на незнакомом языке, когда команда поняла опасность. Деркк с ожесточением вонзил свой нож в горло врага, а в следующий момент ловко увернулся от направленного на него копья.

Но потом все перемешалось. Аборигены действовали бесстрашно, не раздумывая о смерти, команда неистовствовала и отчаянно оборонялась. Затем аборигены на какой-то миг отступили, потому что появились вооруженные солдаты. Со своим снаряжением, шлемами, сапогами и щитами им удалось отразить натиск.

Деркк обливался кровью – в основном, своей собственной –, и вдруг почувствовал себя слабым и несчастным. Кулак мужчины сразил его наповал. Он только успел открыть глаза и взглянуть в глаза моряка, который позд-

нее обратил на него внимание торговца в порту Массилии. Мужчина жестоко ударил его, и Деркк стонал и корчился от боли, почти потеряв сознание.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит прикованный в темном трюме. Судно поспешно снялось с якоря, потому что моряки быстро отступили, когда новый отряд аборигенов попытался окружить корабль.

Его охватил ужас. „Лайт, – закричал он, – Лайт!“ Другие тоже кричали. Смелые люди, торжественно вступившие в сражение, они беспомощно всхлипывали в темноте.

Через несколько дней им бросили что-то поесть. И несмотря на то, что они вместе приняли присягу и принесли вино богине Медб, они дико выхватывали еду друг у друга.

Потом корабль попал в шторм. Оба основных паруса были разорваны в клочья, а весла сильно повреждены. С помощью маленького четырехугольного предпаруса и благодаря силе гребцов они, наконец, вошли в тихую бухту, в которой простояли несколько дней.

В вонючую яму, в которой в тупом отчаянии лежали загнанными голые, изголодавшиеся, с необработанными ранами аборигены, теперь были доставлены новые пленники – женщины и дети, которые сопротивлялись и кричали. Женщины бросались под ноги стражи, обхватывали их сапоги руками и умоляли о пощаде. Но стража только смеялась и отталкивала их.

Один из пленных сошел с ума. Другие аборигены один за другим умерли. Деркк тоже был близок к смерти. Он блуждал в мире стерегущих теней, в котором его манили, а затем исчезали далекие образы. Один из них был очень похож на Лайта.

Вдруг совсем неожиданно сквозь щель среди досок рядом с ним – доску ремонтировали после шторма, однако, она, по-видимому, снова отстала – проник луч света, а с ним пришло и желание жить.

„Мне хочется жить. Я не хочу умирать“.

По-видимому, он сказал эти слова вслух, так как собственный голос удивил его. С тех пор луч света стал очень важным для него. Он протягивал руку и разглядывал, как свет заливал его грязную, серую, истощенную руку. Солнце было теплым, и он радовался ему.

Когда судно, наконец, прибыло в Массилию, Деркк и многие другие были чуть живы. Поэтому моряки решили отделаться от больных пленников, пока еще в них теплилась жизнь и пока еще можно было получить за них хоть какую-то прибыль. Деркка, трех девочек, одну женщину и мужчину грубо пригнали на берег.

Проходившие мимо люди брезгливо отворачивались от них. Какая-то женщина, как раз торговавшаяся возле рыбы, с отвращением кричала: „Посмотрите-ка. Это же не люди. Не может быть!“

Деркк обернулся и упал. Лошадей увели на водопой, в то время как маленькую группу пленников заставили часами стоять на ногах. Вокруг них всегда собирался небольшой круг зевак, которые, стоя поодаль, глазели на них. Над ними палило солнце. Жара изнурила их, губы потрескались, а языки высохли и распухли.

Потом моряк пришел с торговцем, который немного потолкал их, чтобы видеть, живы ли они.

В этот момент к ним подошел высокий мужчина. Он нес два тяжелых ведра воды.

„Пей“, – сказал он, но Деркк не понимал его.

Он поднял голову и едва мог поверить тому, что здесь происходило. Мужчина подошел сначала к девочкам и женщине и кружкой черпал воду из ведра. Он поднял их с земли и наливал им воду в ладони, чтобы они могли смочить ею лицо и волосы. Вода блестела на солнце и капала на землю. Деркк тяжело глотнул. Под конец мужчина подошел к нему. Его некрасивое, покрытое шрамами лицо плыло перед глазами Деркка. Благодарный, он жадно глотал воду, которую мужчина держал у его губ.

Мужчина поддерживал его, как мог, обмыл тело Деркка и попытался осторожно обработать его раны. Потом он снял с себя свою поношенную тунику и помог Деркку надеть ее, чтобы мальчик не лежал там голый. Деркк увидел, что голая грудь и руки человека были покрыты поблекшей татуировкой и шрамами. Мужчина исчез так же неожиданно, как и появился. Люди, вероятно, знали его. Толпа расступилась, чтобы пропустить его, а торговец озадаченно смотрел ему вслед.

„Странный парень, – проворчал он. – Но надо согласиться, что он немного пробудил их к жизни“. Вместе с моряком они повели за собой пленников, чтобы выставить их на продажу.

Деркк был слишком слаб для того, чтобы за него можно было требовать большую сумму. Торговец был рад сбыть его за цену, которую даже считал слишком высокой. Он продал его довольно странному старику и мальчику, трое друзей которого бесконечно давали советы, когда те выбирали. Запястья Деркка перевязали веревкой, и озабоченный старик повел его – как он уже сам часто вел молодых жеребцов – по запруженным народом улицам, ибо был базарный день. Теперь у Деркка был владелец.

Крик в темноту

Деркк тут же предпринял попытку сбежать. Филипп остался сзади, чтобы сказать что-то своим друзьям. Старый Люций, скорчившийся от ревматизма, был легкой жертвой даже для таких слабых, каким был Деркк. Деркк молниеносно вырвался, поднял связанные руки над головой и резко кинулся на землю. Люций, не ожидавший удара, пошатнулся и упал, а Деркк бросился бежать.

„На помощь, Филипп! Беги!, – голос старика дрожал от растерянности. – Лови беглеца!“

„Я сразу же знал, что Филипп совершил ошибку“, – ворчал старик про себя, пытаясь подняться. Тем временем Филипп и его друзья поймали Деркка.

Деркк награждал их ударами, но он уступал четырем мальчикам. Однако, прежде чем его повалили на землю, ему еще удалось поранить глаз Тимона.

„Не бейте его, – велел Филипп, когда мальчики поставили Деркка на ноги. – Он связан, болен и один против четырех“.

Но Деркк не понимал ни слова. Охваченный беспомощной яростью, он наклонил вперед голову и вцепился зубами в руку Филиппа.

„А-а-а!“ – закричал Филипп, в то время как мальчики снова принялись бить Деркка.

„Ну и досталось же тебе, Филипп, – заметил Энтони. – Эти варвары, словно дикие волки. Но не беспокойся. Мы поможем тебе укротить его“.

Люций – расстроенный – подошел к ним, держась за голову.

„Отведи его обратно, Филипп, – настаивал он. – Не можешь же ты привести в дом такого дикаря, как этот. Что

скажут твои родители? Ведь он же всех нас убьет, когда мы будем спать“.

Они не обратили никакого внимания на слова Люция и, подталкивая Деркка сильнее, чем это бы следовало, повели его по улицам.

„О, Клемент, господин мой, – с трудом переводя дыхание вымолвил Люций, – он настоящий волк! Но в этом нет моей вины, поверьте мне, госпожа Приска“.

„Волк?“ – Клемент подтянулся на своих костылях.

„Он пытался убежать, – объяснил Филипп, запыхавшись. – Хорошо еще, что со мной были друзья, а то нам ни за что не удалось бы привести его домой. Посмотри, он укусил меня в руку, а Люция ударил по голове“.

„Люций! – Приска поспешила к старому слуге. – Как ты себя чувствуешь?“

„Немного кружится голова, госпожа Приска, – ответил Люций, – ничего серьезного, только головная боль. Но я не удивлюсь,нисколько не удивлюсь, если произойдет что-нибудь похуже, причем, в ближайшее время“.

„Я вижу больного, изголодавшегося мальчика, – полный сочувствия сказал Клемент. Он возился с веревкой, которой было связано запястье Деркка. „Развяжи его, Филипп, а ты, Люций, пойд и приляг. Приска принесет тебе что-нибудь успокоительное, правда же, Приска?“

„Ну конечно“, – отвечала она. „Бедный Люций! Однако, – продолжала она, идя по комнате в сопровождении старого слуги, – если мальчику удалось натворить такое, будучи слабым и голодным, Клемент, то он ведь еще и не то сможет сделать, когда будет сыт?“

Деркк, не понимавший ни слова, стоял с поникшей головой. Но сейчас он был слишком слаб для того, чтобы снова пытаться бежать. Когда вошел Филипп, чтобы развязать его руки, мальчик отпрянул от него, ожидая новых ударов. Так как ударов не последовало, он удивленно взглянул, но настоящим удивлением для него было услышать, как Филипп обратился к нему со словами, которые

он сразу смог понять. Ибо Филипп последовал совету отца и сказал Деркку пару слов на галльском наречии, которое он знал, и Деркк уловил слово „имя“.

Поэтому он дерзко ответил: „Деркк. Коль Деркк Макквил“, и в тот же момент пожалел, что сказал слишком много. Ему показалось, что, сообщив свое имя, он слишком много сказал о себе.

„Деркк“, – повторили они с совершенно неправильным акцентом.

„Филипп, иди и принеси ему что-нибудь поесть: хлеба и немного каши, которую мама согрела для нас. Мальчик уже давно ничего не ел“, – добавил Клемент и осторожно дотронулся до плеч Деркка. „Садись“, – предложил он ему и показал на стоящую рядом скамеечку для ног.

„Ты справишься сам, отец?“ – Филипп немного побаивался. Его рука вспухла и болела, и на ней виднелись следы зубов. Потирая руку, он добавил: „Боюсь, что он немного диковат“.

„Таким его сделало грубое обращение“. Клемент все еще пытался заставить Деркка сесть. Наконец, тот понял и удивленно послушался, однако был все еще полон ненависти ко всем.

Приска тоже выглядела озабоченной, когда вошла.

„Бедный Люций, ему здорово досталось. У него такая шишка на затылке...“, и она изобразила это рукой. „Бог ты мой! Дорогой, ты уверен, что здесь тебе небезопасно? Где Филипп?“

„Он пошел принести что-нибудь поесть для Деркка – так зовут нашего молодого раба. Вот он уже идет“.

Все это время Деркк сидел молча, подперев руками голову. Но вдруг он резко вскочил, видимо, вспомнив про судно и ужасные приступы голода, вырвал из руки Филиппа хлеб и принялся жадно есть. Филипп смотрел на него в замешательстве, а Приска и Клемент, знавшие по собственному опыту, что такое быть полуголодным, смотрели на него с участием.

Деркк проглотил и всю кашу и вымакал миску кусочком хлеба, который он для этого оставил. Клемент и Приска прекрасно понимали его.

„А теперь пусть он поспит“, – сказала Приска. Они отвели Деркка в спальню Филиппа, где Приска постелила для него на полу матрац.

Ошеломленный таким дружелюбием и страдая от лихорадки, Деркк улегся и всплакнул. Приска наклонилась над ним и гладила его длинные волосы до тех пор, пока глубокие, сотрясавшие его всхлипывания не замерли и Деркк заснул.

Он долго болел, а когда у него поднималась температура, он бредил. Приска тем временем давала ему один напиток за другим. Клемент охлаждал его голову и руки и прикладывал к ранам мазь, а Филипп тоже был рядом, стремясь чем-нибудь помочь, но делал это очень неловко.

Однажды Деркк услышал совсем рядом с собой пение и подумал, что уже перешагнул порог смерти. Он не боялся умереть, но как ужасно было явиться туда, где ждала смерть, рабом, а не прославленным солдатом с поля боя. Тогда он громко закричал, напуганный тем, что

причудилось ему в темноте. Но чья-то рука тут же дала ему напиток, а к нему обратился голос его нового хозяина, говорившего на незнакомом ему языке. „Как хорошо чувствовать, что ты не одинок“, – промчалось в его голове, и он снова погрузился в глубокий сон.

В ту ночь температура была предельно высокой. Деркку чудилось, что он стоит возле большого круга вертикально стоящих камней, где они однажды бродили с Лайтом. Солнце стояло низко, и тени стоявших вокруг деревьев вытянулись, словно хотели дотянуться до них. Четыре могучих иллюзорных ворона – переносчика плохих новостей – поднялись с могилы посреди круга камней, размахивая своими отвратительными крыльями. Деркк вскрикнул и пригнулся. Он отбивался от них и от все больше сгущавшихся над ним теней. Он потел, чувствовал себя беспомощным и пытался отделаться от темноты.

Однажды Деркк видел, что заходящее солнце как-то особенно причудливо осветило камни. Он обнаружил, что все они были покрыты кольцами, издревле вырезанными представителями уже исчезнувшей человеческой расы. При более тщательном осмотре Деркк разгадал волшебство и мог понимать значение колец. Правда, слов там никаких не было. Да Деркк и не мог бы их прочесть. Однако он почувствовал, что его будто пронзила какая-то необычная сила, и дико вскрикнул. Лайт тоже заметил что-то необычное.

„Это волшебство, древнее волшебство, правда же? Деркк, расскажи мне про него. Я тоже хочу обладать этой силой!“

Находясь одни в лесной чаще, близнецы поняли, что они открыли силу: силу тьмы.

Когда после этого Лайт играл на своей арфе, слушатели чувствовали эту темную силу. Они в страхе удалились, когда жрецы возложили на близнецов руки и отвели их в долину. Здесь, внутри стоявших в ряд четырех могильных курганов, на каменных таблицах которых были на-

чертаны символы, смысл которых Деркк доселе никогда не мог объяснить, жрецы занялись своим волшебством.

Они повели мальчика к самому старому – 3000-летней давности – могильному кургану. В его мраке маленький затерявшийся народ когда-то хранил в кувшинах прах своих мертвецов. Ветер прорывался сквозь щели в искусно уложенных слоями камнях, и Деркк уловил шорохи, похожие на язвительный смех. Он также уловил ужасный крик, пронзительный и жуткий, так что близнецы крепко прижались друг ко другу. Это кричал заяц, попавший в капкан – в любом другом месте они сразу бы догадались и не дали себя испугать. Жрецы дали им выпить его теплую кровь.

„Теперь вам будут подчиняться силы прошлого; но вы связаны с силой тьмы“, – провозгласили жрецы. Потом они показали мальчикам там, в пещере, много тайнств.

Все это промелькнуло в голове Деркка, когда он страдал от лихорадки, и ему казалось, будто его самого тянули во тьму. Он все время вскрикивал. Тогда к его голове прикоснулись прохладные руки, а лоб и спутанные волосы смазывались целительной мазью. Он вдруг глубоко вздыхал и затем лежал совершенно спокойно.

Неподалеку снова кто-то начал петь, и Деркк уснул глубоким, спокойным сном. Он проспал много часов подряд.

Когда Филипп проснулся, он вспомнил, что они почти всю ночь пели и молились. Приходил Гай и другие друзья его родителей, которые видели, как Деркка чуть было не унесла смерть. Они усердствовали в своих молитвах и стали свидетелями того, как Деркк вернулся к жизни.

*

„Как чувствует себя Деркк?“ – озабоченно поинтересовался Гай, когда Филипп в последнюю минуту ворвался в класс. Это была комната в доме дяди Гайя, где его отец преподавал греческий язык небольшой группе мальчи-

ков. Для этого он пользовался скучными старыми текстами, которые им приходилось заучивать наизусть.

„Ну, как? Твой варвар выжил?“ – через всю комнату закричал Энтони. Все уже знали о Деркке и с нетерпением ждали, что ответит Филипп, но в этот момент в комнату вошел учитель.

День тянулся медленно. Филипп не мог сосредоточиться. Его ничто не интересовало. Не обрадовало его даже известие о том, что лучшим среди их спортсменов скоро будет предоставлен свободный день для того, чтобы болеть за другую команду и помериться с ней силами. Он не мог дождаться, пока придет домой и узнает, как чувствует себя Деркк.

„Твой раб с трудно выговариваемым именем сидит в постели и хорошо себя чувствует, – сухо сообщил Люций, когда Филипп ворвался в дом, бросив пергамент и перья. – Теперь мы понемногу снова должны думать о себе.“

„О, Люций, тебе досталось от него, не так ли?“

Деркк как раз пил один из видов специального чая Приски, отвратительный вкус которого Филипп помнил еще с детства. Приска сидела возле Деркка, но когда вошел Филипп, она удалилась, подбадривающе улыбнувшись Деркку. Это было единственной возможностью взаимопонимания с ним.

Филипп с некоторой робостью занял ее место. „Деркк, как ты себя чувствуешь?“ – он сделал попытку воспользоваться теми немногими галльскими словами, которые он знал.

Деркк, казалось, понимал его. Он кивнул и удивленно уставился на Филиппа. Так как он не находил слов, взгляд смутил его.

Деркк был совсем озадачен. Он не мог понять, почему эта семья с таким усердием ухаживала за ним и не давала ему умереть.

„Может быть, – думал он, – они уплатили за меня много денег. Они, должно быть, очень богаты“. Дом Клемен-

та произвел на него большое впечатление. Колонны и пол, уложенный плитками, казались ему роскошью. Он не знал, каким простым был этот дом по сравнению с большинством домов в округе, например, с домом Энтони, который и Филиппу казался более привлекательным, чем его собственный.

„Хотя я и обязан им своей жизнью, но все-таки это жизнь под их властью“, – думал он, наблюдая, как Филипп протянул руку, чтобы убрать пустую миску. Взгляд Деркка упал на шрам, оставленный его зубами – в школе все с удивлением рассматривали его – и отметил про себя, что он не был наказан за это. Да и вообще они очень хорошо обращались с ним. Он потупил взгляд, будучи слишком гордым, чтобы показать Филиппу, как ему стыдно. Филипп не догадался, о чем думал мальчик. Он медленно вышел, размышляя о том, кто же прав: его отец, оказывающий Деркку милость и добро, или Энтони и другие мальчики, которые считали, что молодого дикаря следует укротить.

Поскольку состояние здоровья Деркка в дальнейшем улучшалось, Клемент проводил с ним много времени и учил его латинским словам. И хотя Деркк твердил себе, что он ни за что не хочет учить язык своих хозяев, он знал, что от этого зависит его жизнь. Поэтому он делал успехи, и Клемент был им доволен. Однако, Деркк никогда не мог смотреть Клементу прямо в лицо. Он противился тому, чтобы быть купленным добротой. Он покорно слушался Филиппа, когда тот поручал ему работу, которую следовало выполнить вместо Люция, но в глубине сердца мальчик был так озлоблен, что иногда ему казалось, что он сойдет с ума.

„Как это люди могут годами быть рабами?“ – часто спрашивал он себя. Мысль о свободе неотступно преследовала его. Он тосковал по своей родине, по курганам, среди которых гулял ветер, и по видневшемуся в дали морю. Как-то раз он нес несколько связок дров и услы-

шал крик чайки. Этот отвратительный звук вдруг всколыхнул в нем воспоминания о прошлом. Он дико бросил дрова на землю, так что они разлетелись вокруг. Вне себя от одиночества и тоски, он рвал на себе волосы, стонал и корчился от отчаяния прежде всего потому, что он ни с кем не мог поговорить об этом. Наверное, с полчаса он сидел и всхлипывал, все время сознавая, что ему надо нагнуться, снова собрать поленья и отнести их домой. Ему казалось одинаково невыносимым работать и оставаться одним со своей щемящей болью. Объятый муками, он стучался головой о землю.

„Лайт, Лайт, Лайт“, – звал он и спрашивал себя, разделял ли Лайт его боль. Тогда он вспомнил про силу жрецов. Он стал прыгать между разбросанными поленьями дров, снова и снова повторяя имя Лайта. Только теперь он прибавил еще незнакомые звуки и сопровождал это пением, как научили его жрецы.

„Темная сила прошлого, послушайся меня, ибо теперь я принадлежу тебе. Приди ко мне. Освободи меня. Приведи меня домой. О сила, приди!“

Ответа не последовало, а его сердце наполнила еще большая тьма. Он со злостью собрал поленья и молча пошел домой.

Семья продолжала дружелюбно относиться к нему.

„Ты – часть нашего хозяйства“, – часто втолковывал ему Клемент. Вечером они всегда приглашали его ужинать с ними за одним столом.

Это были мирные часы с пением и смехом. За столом Клемента каждый был желанным гостем. Но иногда Деркк замечал, с какой опаской покачивала головой Приска, когда приоткрывала крышку горшка, стоявшего на огне, а потом поглядывала на свежее испеченный хлеб и загибала пальцы, подсчитывая, на сколько кусков она должна его поделить. Во время этих спокойных приемов пищи между Деркком и другими не устанавливалась граница. Между хозяевами и рабом не существовало ника-

кой разницы. Клемент молился, брал хлеб и делил его на всех. Каждый сначала предлагал его сидящему рядом, и Деркку тоже хотелось бы так сделать. Ему так не хватало того мира, который они делили между собой. Вместо этого он угрюмо смотрел перед собой, брал то, что ему предлагали, но никогда сам не передавал ничего другим.

„Я принадлежу к темной силе моего народа“, – полный гордости заверял он себя. При этом он вряд ли замечал, что больше всего он вредил самому себе, когда таким образом еще больше растравлял свои болезненные раны.

Филипп также был несчастен. После того, как улеглось первое возбуждение по поводу появления Деркка, он все еще чувствовал себя раздираемым между родительским домом и своими приключениями вне его. Он старался как можно чаще убираться оттуда, иногда даже не доевши своего обеда, чтобы отправиться со своими тремя друзьями побегать, заняться борьбой или плаванием. Он очень надеялся попасть в команду, которая должна была представлять их школу во время соревнований.

„Мама, ты не понимаешь, – объяснял он Приске, кушая вместо хлеба несколько маринованных оливок. – Спортсменам нужно быть осторожными в еде.“

„Эта пара оливок не насытит тебя!“ – поймал его на слове Люций, а Приска сказала: „Желаю тебе удачи в беге, однако не забывай слова Павла: телесное упражнение мало件лезно, а благочестие на все件лезно“.

Еще давно они с Клементом сами слышали знаменитого Апостола в Риме и часто с особым почтением вспоминали его.

Сидя в затененной комнате, Филипп только нетерпеливо оглядывался и спрашивал себя, когда же он, наконец, вырвется отсюда. До сна оставался еще один час, и он договорился со своими друзьями насчет тренировки.

Гай заглянул вечером. Он сидел возле Деркка и наполнил его кружку вином, тщательно разбавленным водой, а тем временем Клемент спрашивал его о семье. Когда два

года назад умерла мать Гайя, они переехали к своему дяде. Гайю и его сестре Фелиците хватало работы присматривать за целой кучей маленьких племянников и племянниц.

„Ты тоже будешь участвовать в соревнованиях?“ – спросил его Клемент.

К своему удивлению, Филипп услышал, как Гай грустно сказал: „Мне бы тоже хотелось, но дома всегда так много работы. Я бы с удовольствием бегал и тренировался, как Филипп и другие мальчики“.

„Тогда пойдем сегодня вечером к Энтони“, – предложил Филипп, потому что хотел воспользоваться удобным случаем поскорее исчезнуть. Гай был счастлив, но Филипп уже сожалел о приглашении. Что подумают другие мальчики? Все они насмеялись над Гаем, и Филипп тоже, хотя и с нечистой совестью.

„Возьмите и Деркка с собой“, – настаивал Клемент.

Деркк с удивлением взглянул. Неужели Клемент так доверял ему?

„Хорошо, он может нести нашу одежду“.

Они отправились вместе. Между ними установилось напряженное молчание, потому что как Гай, так и Филипп с любопытством ждали, как отнесутся к Гаю остальные. Филипп надеялся, что присутствие Деркка выручит его, потому что все хотели видеть его „укрощенным“. Деркк намеренно шел на расстоянии, как и полагалось рабу, и, казалось, был погружен в свои раздумья.

Клетка, огонь и долг

„Привет, Филипп! Боже мой, да это же Гай! О, да тут еще кто-то! Бррр! Он все еще кусается?“

Тимон и Грегори присоединились к ним совсем недалеко от дома Энтони. Они окружили Деркка. Один из них подставил руку под нос Деркка: „Ну, давай, кусай!“ – насмеялись они.

„Ты тоже стал бы кусаться, если бы тебя поймали и увезли далеко от родины!“ – Гай заметил, как Деркк вздрогнул и отвел взгляд.

„Ах, проповедник пришел! Что ты тут делаешь, Гай? Ты не захватил с собой своих книг?“

„Я попросил его пойти со мной, – резко вступил в разговор Филипп. – Далеко ли ты сегодня побежишь? Ты уже побил свой рекорд?“

Сад за домом Энтони служил им в качестве стартовой полосы, и они отмечали количество кругов на старых коряжистых деревьях. До сих пор Тимону удавалось побить их всех.

Филипп, громко смеясь, шел первым. Гай и Деркк остались позади. Гай уже жалел, что пошел, но был полон решимости не идти на попятный.

Энтони шел к ним навстречу мимо конюшен.

„Ты, как я вижу, уже выдрессировал своего волка, – обратился он к Филиппу. – Пойдем, посмотри нашего. Овчарка такая же дикая, как и прежде. Вчера она напала на одного из наших рабов“.

Они последовали за ним в конюшни. Молодая овчарка выглядела ужасно. Ее шерсть висела клочьями, так что видны были кости. Глаза ее дико поблескивали при тусклом свете. Они остановились на почтительном расстоянии, только Деркк вырвался вперед и прижался к прово-

лочной клетке. Он начал говорить на своем языке, слова так и лились. Филиппу показалось, что он уловил слово „спасать“ или „спаситель“. Но Деркк говорил так быстро, что он был не вполне уверен.

„Почему у нее такой жалкий вид?“ – шепотом обратился он к Энтони.

„Потому что она ничего не хочет есть. Не думаешь ли ты, что мы специально не даем ей есть? Сначала мы думали, что голодом можно будет укротить ее, но теперь никто не решается к ней подходить, особенно с тех пор, как она напала на раба“.

Деркк продолжал обращаться к молодой собаке незнакомыми гортанными звуками, может быть, это даже не были слова. Филипп спрашивал себя, не владел ли он каким-то тайным языком, который был понятен животным.

Во всяком случае создавалось впечатление, будто молодая собака понимала его, ибо она наострила уши, и ее рычание превратилось в повизгивание. Деркк просунул пальцы сквозь решетку, которая мешала ему.

„Дай мне что-нибудь поесть для собаки, – обратился он к Энтони на плохом латинском. – Пусти меня к ней.“

Они переглянулись.

„Это же небезопасно“, – отверг его просьбу Филипп.

„Посмотри, как собака слушается языка варваров“. Все это произвело на Тимона и Грегори большое впечатление. „Она все понимает“.

„Я уверен, что мой отец возместил бы вам ущерб, если бы с твоим рабом что-нибудь случилось, – попытался успокоить Филиппа Энтони. – Может быть, стоит попробовать? Ведь он как-никак теряет дорогую собаку, уже не говоря о престиже“.

„Не думаю, чтобы Клемент согласился на это...“ – вступил в разговор Гай, хотя и знал, что его лишь примут за моралиста. Но Деркк сам обратился к Филиппу и попросил его: „Пусти меня к нему“.

Филипп все еще колебался. Как мог он объяснить Энтони, что здесь речь шла не только о деньгах, о собственности. Гай был прав, Клемент не допустил бы, чтобы Деркк оказался в опасности. Кроме того, Деркк был для Филиппа не безразличен с тех пор, как он почти всю ночь продежурил возле него и стал свидетелем его борьбы со страхом и смертью.

Длинные рыжие волосы Деркка свисали ему на глаза. Но он чувствовал взгляд Филиппа. Не отрывая взгляда от молодой собаки в клетке, он еще ниже наклонил голову.

„Ну пожалуйста“, – просил он.

„Ладно“, – нерешительно согласился Филипп.

„Вот еда. Она уже отказалась от нее“. Энтони поднял миску с костями и красным сырым мясом. Потом он достал ключ и открыл дверь. Услышав скрежещущий звук замка, собака наклонила голову. Мальчики прижались ближе друг ко другу, но Деркк толкнул дверь, нагнулся и вошел.

Собака тут же набросилась на него и разорвала его тунику. Деркк стоял, не шевелясь, а собака, поцарапав ему лоб, глубоко вонзила зубы в его руку. Боль, по-види-

мому, была ужасной, в глаза ему брызнула кровь, но Деркк не издал ни звука. Он очень осторожно вытянул свободную руку и почесал собаку между ушами.

Собака отступила. Деркк продолжал уговаривать ее своими незнакомыми звуками. Собака успокаивалась еще больше, а кровь, тем временем, все еще стекала с лица Деркка и струилась из его руки.

Мальчики наблюдали за ним, оцепенев от ужаса.

„Каллан, тас ри мор нуайдд гезу дотур“*, – бормотал Деркк.

„Каллан, Каллан“, – продолжал он успокаивать ее.

Собака перестала рычать. Она медленно и осторожно приблизилась, и Деркк протянул ей мясо из миски. С минуту оба были неподвижны, потом собака вскочила, вырвала мясо из руки Деркка и снова удалилась с ним на другую сторону клетки.

Мальчики облегченно вздохнули.

„Молодец, Деркк!“ – пробормотал Филипп с уважением.

„Он победил. Собака на его стороне“, – тихо сказал Энтони.

Собака жадно расправлялась с мясом, и эта сцена вдруг напомнила Филиппу, как жадно расправлялся со своим хлебом Деркк. На этот раз укушенным оказался Деркк. Рана была серьезной. Никто иной, как Гай оторвал край своей туники, осторожно открыл дверь клетки и подошел к Деркку. Он крепко перевязал руку Деркка тканью и вытер кровь с его лица.

Тем временем собака съела мясо, и когда Гай выскользнул из клетки, она медленно направилась к Деркку.

„Каллан“. Деркк протянул ей остатки еды. Теперь Каллан не колебалась. Она схватила кость, выбила миску из рук Деркка и тотчас принялась есть.

Деркк открыл дверь и вышел к остальным. Филипп положил свою руку на плечо Деркка.

* „Ты великий царь, мне не разрешено прикасаться к тебе“.

„Это было великолепно. Ты очень смел, Деркк“. Деркк покачал головой. „Мы говорим на одном языке“.

„Что это за язык?“ – спросил Грегори, и Деркк мрачно ответил: „Этот“ и дотронулся до проволочного плетения клетки.

Наступила неприятная пауза.

„Пойдем, – потребовал Энтони. – Можете начать тренировку. Я должен рассказать отцу о том, что случилось. Я уверен, что ему захочется лично познакомиться с Деркком“.

Они отошли от клетки. Тренировка уже не показалась Гаю столь важной. Он дотронулся до руки Деркка.

„Болит?“

Деркк кивнул. „Спасибо, – сказал он и показал на повязку. – Надо правильно перевязать. Приска наверняка знает, что требуется сделать“.

„Где мои вещи, Деркк?“ – позвал Филипп с конца сада. Деркк взглянул на него отсутствующим взглядом. Он совсем забыл о вещах, которые нес для Филиппа.

„Наверное, ты оставил их в хлеву. Пойди и принеси их, Деркк“.

„Я пойду с тобой“, – предложил свою помощь Гай. „Мне бы хотелось еще раз посмотреть на нее – как ты ее называешь?“

„Каллан“.

Да, думал Деркк, хорошо бы посмотреть, как к нему отнесется молодая собака. Вот она лежит за проволокой, зажав кость между лапами. Она, должно быть, была совсем молодой, когда грубые руки лишили ее тепла матери и свободного, дикого прошлого. Однако – думал Деркк – она не покорилась. Собака зарычала, когда мальчики вошли в хлев.

„Каллан, Каллан“, – обратился к ней Деркк. Они слышали, как хвост собаки колотился об пол, и с удовлетворением переглянулись. „Друг моей тьмы“, – продолжал Деркк на своем языке, и Гай заметил, как изменилось

выражение его лица. „О, если бы власть тьмы освободила нас обоих!“ – воскликнул Деркк. Он дрожал. Гай не мог его понять и попытался заговорить с Деркком, чтобы тот не смотрел таким ужасным взглядом.

„Он рад нашему приходу!“ Но Деркк не отвечал. Отчаявшись, Гай попробовал еще раз: „Смотри, вот вещи Филиппа. Я отнесу их ему, хорошо? Может быть, тебе бы хотелось побыть здесь?“

Деркк кинул на него благодарный взгляд. Он отворил перевязанную проволокой дверь, и Каллан пулей выскочила из клетки. Гай отпрянул в сторону. Ему было не по себе при мысли, что Деркк останется тут один с бегущей вокруг него Каллан. Но когда молодая собака бросилась на него, положив передние лапы ему на плечо, Деркк схватил ее. Он гладил шею и живот собаки. От блаженства Каллан каталась на спине. Деркк изливал на нее поток ласки теми же животными звуками, и Гай, стоявший поодаль, тихонько вышел.

Поэтому случилось так, что отец Энтони, несколько рабов и Энтони своим появлением ошеломили Каллан и Деркка, носившихся по хлеву. Когда дверь хлева резко отворилась, оба отпрянули назад. Каллан тихонько и угрожающе зарычала. Ее шерсть встала дыбом. Деркк был не менее ошеломлен, однако попытался сдержать свои чувства. Он мягко положил руки на взъерошенную шею Каллан.

„Тихо, Каллан, будь послушной“, – предупредил он ее, хотя сам не очень-то уверенно чувствовал себя.

„Почему моя ценная собака не на своем месте?“ – воскликнул отец Энтони.

Деркк, не отвечая, уставился глазами в землю.

„Ты не знаешь, что на это ответить? Ты хотел ее украсть“.

Ошарашенный, Деркк поднял глаза и отрицательно покачал головой. Он начал понимать, что здесь было что-то не то.

„Чей ты раб?“

„Отца Филиппа, – вступил в разговор Энтони. – Сына инвалида по имени Клемент.“

„Клемент? Клемент? Человек с этим именем мне не известен“.

„Не известен?“ Энтони стало неловко. „Но я уже говорил тебе о нем, отец. Тимон, Грегори и я готовимся к атлетическим соревнованиям, а Филипп – наш друг, тоже готовится с нами. Они в саду. Ты помнишь, что разрешил нам?“

„Что делает инвалид с таким молодым дикарем, как этот?“ Отец Энтони с удивлением смотрел на Деркка. „Должно быть, этот Клемент – зажиточный человек, раз может позволить себе такого раба.“

„Нет, отец“, объяснил Энтони, – „Филипп сам купил раба“.

„Такие рабы стоят дорого. Вы – мальчики – не имеете никакого понятия о цене вещей“.

Замечания подобного рода не были для Энтони чем-то новым. „Я знаю, что они стоят дорого, – согласился он, – но этот раб был в плохом состоянии, почти при смерти. Поэтому за него не запросили высокой цены. Я уверен, что Филиппу не пришлось отдать за него много денег“.

„Почти при смерти? Однако сейчас он хорошо выглядит. Видимо, у него были неплохие условия, что он выжил. И ты говоришь, что раб один зашел в клетку и дал овчарке поесть?“

„Да, но он был укушен. Смотри, один из мальчиков перевязал его“.

Все это время Деркк с трудом сдерживал Каллан. Рабы, сопровождавшие Энтони и его отца, были среди тех, которые мучили собаку, и Каллан узнал их.

„Ты хотел украсть мою собаку,“ – снова обратился отец Энтони к Деркку.

„Нет!“

„Была ли собака в клетке, когда ты уходил?“ – спросил он своего сына.

Энтони кивнул головой. „Мне кажется, ключ еще был в скважине, отец“.

„Почему же ты вывел из клетки опасное и ценное животное? Твоему владельцу придется ответить за это. Поймите его!“ – приказал он своим рабам.

Они не двигались с места. Энтони почувствовал беспокойство. Он не решался что-то сказать, когда его отец был раздражен.

„Что же вы стоите, идиоты?“ Он не привык, чтобы его приказы не выполнялись. „Поймите вора!“ Энтони с ужасом заметил, что глаза его отца были устремлены на Деркка.

Не успел один из рабов сделать и шага, как Каллан кинулась ему на шею и повалила на землю.

„Ловите мальчишку!“ – орал отец Энтони. Другой раб попытался выполнить приказание, но Каллан набросилась и на него.

„Энтони, вон отсюда!“ Они отступили к двери.

Деркк тоже попытался приблизиться к двери. Теперь и

он боялся Каллан. Изголодавшаяся, испуганная собака ринулась к нему, но один из рабов попробовал подняться, и Каллан бросилась на него.

Оказавшись за дверью в безопасности, отец Энтони затворил ее.

„Зови помощь“, – грубо приказал он своему сыну.

Звуки, доносившиеся из хлева, были ужасными. Один из рабов пытался защититься палкой. Другой лежал на земле почти без сознания. Деркк стоял спиной к запертой двери.

„Быстрее!“ – услышал он, как заорал отец Энтони. Испуганный мальчик побежал выполнять его приказ.

Внутри Деркк начал карабкаться вверх по решетке. Может быть, ему удастся выбраться вверху через балки в потолке, очертания которых он смог различить. Он озираясь по сторонам в поисках фонаря, который висел недалеко от клетки. Вдруг он оцепенел от ужаса. Раб тоже заметил это и закричал: „Огонь! Огонь! Помогите! Не оставляйте меня здесь. Помогите!“

Каллан стояла, как вкопанная. Через солому огонь из упавшего фонаря уже перебросился дальше по хлеву.

Ослепленная и испуганная, собака озираясь и заметила над дверью Деркка. В течение какого-то мгновения их взгляды встретились. И вдруг Каллан прыгнула. Деркк попытался оттолкнуть ее, но не смог удержаться и упал в горящее сено.

С быстротой молнии он снова оказался на ногах. Высоко над собой он заметил светлое пятно. В смятении он стал карабкаться к нему, тогда как языки пламени забирались все выше. Каллан, как безумная, ринулась к двери и дико бросилась на нее. Другой раб все еще кричал. Вокруг него валились горящие балки. Скоро пламя охватит и соломенную крышу. Ему нужно добраться до нее, опередив пламя. Ужасающий вой собаки смешался с треском сена. Деркк надеялся, что огонь вскоре решит жестокую участь Каллана. Ему стало совсем не по себе. „Мне надо выбраться от-

сюда“, – подумал он и закричал: „Лайт!“ В своей великой нужде мысли его были о брате. „Тьма услышала мои крики и послала огонь. О, Лайт, Лайт, помоги же мне теперь!“ В голове у него закружилось. На одно мгновение он потерял равновесие и чуть было не рухнул в огонь. Когда он вытянул руку, чтобы снова обрести равновесие, он нащупал край дыры в крыше. Полный отчаяния, он выкарабкался через нее наружу.

Вокруг хлева собралась толпа людей. Новость быстро облетела вокруг.

„Вот мальчишка!“ – закричал кто-то.

„Где?“

„Держи вора! Вон он карабкается!“

Крики едва достигали его слуха. В ушах еще слышался последний вой Каллана. „После пламени его ждет свобода!“ – мрачно думал Деркк. „О, Лайт и вы, темные силы, держите меня“, – закричал он, прежде чем сделать прыжок.

Пахло горелым. Когда Деркк падал на землю, он почувствовал дыхание пламени. Но ему повезло: он упал на мягкую компостную кучу. Движимый инстинктом, он быстро вскочил и, как сумасшедший, помчался наутек, прежде чем его преследователи завернули за угол. Впереди всех бежали Филипп и Гай, желавшие помочь ему.

Остальные безуспешно пытались справиться с огнем.

Прошло много времени после наступления темноты, прежде чем Филипп и Гай поспешили домой.

В их ушах еще звучали угрозы отца Энтони: „Ты заплатишь мне до последней копейки за потерю моей овчарки и за весь убыток, причиненный мне твоим рабом“.

Глава 5

Где Деркк?

Деркк бежал все дальше и, по возможности, искал защиты в темноте. Даже не заметив этого, он приближался к гавани. Когда он бежал, его пронизала боль. Видимо, он получил ожог, даже не осознав этого. Кровь сочилась через повязку на руке, которая все больше распухала. Бесшумно, словно тень, он пересек мусорную свалку. На одно мгновение он прислонился к развалившейся стене и скорчился от приступа тошноты. Ветер доносил до него запах моря. Он заплакал от облегчения, собрал все свои силы и помчался дальше. Он не заметил, как из темной, низкой подворотни вынырнули двое мужчин, молча переглянулись друг с другом и поспешили за ним.

В гавани было безлюдно. Только пара кошек выла и ссорилась между собой. Деркк стоял в тени, прислушиваясь и наблюдая за тем, что происходило вокруг него. Он запыхался и был рад прислониться к шершавой стене. Его уши, привыкшие улавливать малейшие шорохи, уловили звуки всхлипывания. Деркк все еще стоял не двигаясь. Где-то в ночи раздался крик мужчины. Его охватывал ужас при мысли о рабстве. Он должен бежать отсюда. Как-нибудь он все же найдет способ снова вернуться к Лайту.

Внезапно раздавшийся смех и приглушенный свет из раскрывшейся позади его двери навели его на мысль. Он прислонился к стене трактира, а внутри – он знал это – находились матросы. Он понимал, что в своей тонкой разорванной тунике может вызвать подозрение, но попытался отместить его решительным выражением лица. Отодвинув в сторону тяжелый, пропахший табаком занавес, он вошел.

В нос ударил сильный сладковатый запах вина, сме-

шанный с прогорклым маслом, жареным луком, чесноком и другими, еще более крепкими запахами.

Когда он прокладывал себе путь в толчее затхлого помещения, его подгоняла мысль о том времени, когда он бил с воинами, как равный среди товарищей по племени, — там, в старой крепости, стены которой были вырублены в выступе скалы. Вдруг кто-то схватил его сзади крепкой хваткой.

„Эй, парень! Куда идешь?“ Необычно толстый, странный, одноглазый человек искоса зло смотрел на него.

„Домой, — ответил Деркк. — Я ищу корабль, который отвез бы меня домой. За это я буду работать так же хорошо, как и другие“.

„Посмотрите-ка на него!“ Человек прикрыл своими толстыми пальцами неприятную усмешку и подтолкнул своего спутника под ребра.

„Ты слышал? Может быть, мы заключим сделку, молодой человек?“ — приветливо обратился он к Деркку.

„Может быть“. Деркк пытался принять невозмутимый вид, хотя в душе мысль о возможном возвращении домой сильно взволновала его. Его не пугали опасности, разделявшие оживленную средиземноморскую гавань и его родину там, далеко на западе.

„Ты ничего не пьешь?“ — спросил его одноглазый.

„До сих пор не пил“.

„Тогда выпей с нами. Ты ищешь работу?“

„На корабле, который довез бы меня до дому“, — напомнил ему Деркк, присев тем временем на шатающуюся скамью. Одноглазый человек сел возле Деркка. При этом его толстый живот подчеркивал массивные ляжки, и скамейка начала серьезно трещать. Деркк пробовал отодвинуться, но места уже не было.

„Мы с другом — наполни мальчику кружку, Леон, — имеем хорошие связи с морем“. Он подмигнул одним глазом, чего Деркк, однако, не мог видеть.

„Где же твой дом, сынок?“

„Я из Британии“.

„Так, так, тогда ты далеко от дома. Значит, ты ищешь корабль, который отвезет тебя туда?“

„Я буду работать с матросами“, – ревностно заверил Деркк.

„Я верю тебе“. Деркк озадаченно спрашивал себя, что такого нашел в этих словах мужчина, потому что он начал долго хохотать во все горло, так что его толстый живот заходил от этого ходуном. „Ах, мальчик, – все еще пыхтел он, – ты так мил! Ты это слышал, Леон?“ Он подтолкнул своего спутника – невысокого худого мужчину с длинным носом и хитрыми глазами. „Дай мальчику еще чего-нибудь выпить, Леон. Налей кружку. Он славный парень... Значит, ты можешь грести“, – он наклонялся взад и вперед, и скамейка заскрипела при его попытке изобразить движение весел.

„Да“. Теперь голова Деркка шла кругом. Ему хотелось, чтобы мужчина перестал раскачиваться взад и вперед.

„Когда я смогу отъехать?“ Его голос доносился как будто издалека. Ему приходилось подыскивать слова, и он не был уверен, что действительно правильно выразил свою мысль.

„Ты славный парень. И такой усердный. Такие мне нравятся. Но ты не должен так торопиться. Выпей-ка еще чего-нибудь. Надо еще о многом переговорить“.

„Нет“. Деркк не хотел больше пить.

„Давай, давай. Это делают все матросы и настоящие мужчины. Я найду для тебя корабль, который скоро отправится. Осторожно, а то ты упадешь“.

Деркк тяжело качнулся и почувствовал, что его грубо схватили. Его голова упала вперед к огромному животу мужчины. Немытое тело было теплым и мягким. Деркк закрыл глаза.

Закутав его в свои грязные накидки, они вынесли его вон. Прохладный воздух с привкусом моря не доходил до него. Когда через несколько часов он пришел в себя, он

лежал в темной хижине на слежавшейся соломе. Рядом с ним кто-то всхлипывал.

*

„Где же теперь Деркк? Что могло бы с ним случиться?“ – Голос Филиппа звучал неуверенно, а Гай боролся со слезами.

„Мы повсюду искали его. Сейчас уже должно быть очень поздно. Мне кажется, нам лучше пойти домой и рассказать твоим родителям обо всем, что произошло“.

Угрюмые, они брели домой по пустым улицам. Они все время перебивали друг друга, когда рассказывали всю историю Приске и Клементу, и лица последних все больше принимали озабоченное выражение.

„Но это еще не все, отец, – закончил Филипп. – Отец Энтони требует, чтобы мы возместили ему весь убыток.“

„О, неблагословен был день, когда ты купил этого молодого варвара, Филипп“, – вздохнул Люций и печально покачал своей седой головой. „Какую ношу взвалил он на наш дом“.

„Не может быть, чтобы отец твоего друга так поступил с нами!“ Это не укладывалось в голове Приски. „Ему должно быть известно, что мы бедны, а судя по всему тому, что ты рассказал, он богатый человек с большим состоянием. Ущерб не может составлять для него столько, сколько для нас – возмещение“.

„Боюсь, он настоит на своем.“ Клемент слушал, не промолвив ни слова. „Но что же могло случиться с Деркком?“

„Мы не знаем, – в один голос ответили Филипп и Гай. – Мы везде искали его. Наверное, он куда-то убежал...“

„В последний раз мы видели его на крыше хлева. Он спрыгнул, прежде чем пламя охватило весь хлев, – рассказывал Гай. – Его рука сильно поранена. Как уже сказал Филипп, Каллан...“

„Это собака“, – пояснил Филипп.

„Да, Каллан довольно сильно укусила его“.

„Боже мой!“ Приска покачала головой.

„Нам нужно продолжить поиски, – заметил Клемент. – Вы уже были в гавани?“

„Да, мы не нашли его следов“. Филипп был снова близок к слезам.

„Все, как в дурном сне, – вздохнул он. – Хорошо, если бы всего этого не произошло. Почему ты разрешил ему выпустить собаку из клетки, Гай?“

„Теперь незачем взваливать вину на Гая. В конце концов, за Деркка несешь ответственность ты“, – напомнила ему Приска.

„Думаю, лучше всего было бы, чтобы я сам поговорил с отцом Энтони, – вслух подумал Клемент. – Если у него есть хоть сколько-нибудь чувства ответственности, он поймет, что Деркк не хотел сделать его собаке ничего плохого“.

„Он уверен, что Деркк хотел украсть его собаку. Энтони уже говорил мне об этом“, – объяснил Филипп.

„Вот как? Почему же? Потому, что клетка была открытой?“

„Да“, – в один голос ответили оба.

„Все складывается не в пользу Деркка. Но мне нужно встретиться с отцом Энтони. Я уверен, что у него много влиятельных связей и он, может быть, окажет нам помощь в поисках Деркка. Завтра после школы ты передашь ему мое письмо, Филипп, и попросишь, чтобы он посетил меня, так как я не могу пойти к нему. А пока...“

„А пока нам всем нужно отдохнуть, – посоветовала Приска. – А как же с тобой, Гай, ты дойдешь до дому сам?“

„Конечно, – заверил Гай. – Я всю дорогу буду бежать, а дома все равно никто не заметит, когда я приду. Ведь у отца никогда нет времени“.

Филипп бросил на него быстрый взгляд. Он вдруг понял, почему Гай так охотно приходил к Приске и Клементу, которые всегда так дружелюбно встречали его и с участием выслушивали.

На следующий день Филипп отправился в дом Энтони. Энтони сопровождал его. Тимона и Грегори не было с ними: после того случая они заметно держались в стороне.

„Мне очень жаль, что все так получилось“, – заверил Энтони. Привитое ему чувство верности и послушание не позволили ему сказать больше. Но вид отца, когда он приказал своим рабам схватить Деркка, обеспокоил его.

Дорогой мальчики говорили мало. Как только они подошли к дому, Энтони предложил: „Я сразу же проведу тебя к отцу“.

Отец Энтони холодно посмотрел на Филиппа, когда тот передал ему письмо Клементя.

„Так, значит, это ты. Появился ли тот раб?“ – спросил он. Филипп отрицательно покачал головой.

„Что ж, когда он вернется, я прикажу его привести ко мне и наказать за его поступок. Я оставлю его у себя: он будет принадлежать мне в качестве возмещения за причиненный ущерб. Если же нет, то твоему отцу придется восполнить весь ущерб. Это мое последнее слово“.

„Отец просит, чтобы Вы посетили его. Он желает побеседовать с Вами. Пожалуйста, прочтите письмо“.

Тот быстро пробежал письмо глазами.

„Он не может выйти из дома? Почему?“

„Он инвалид. Он 20 лет пробыл в тюрьме“.

„В тюрьме?“ Филипп тут же пожалел о сказанном. „Ты хочешь, чтобы я переступил порог дома преступника?“

„Он не преступник!“ – горячо возразил Филипп.

„Хм, тогда почему же он был в тюрьме?“

Филипп покачал головой. Было бесполезно объяснять что-либо. Ему уже не хотелось доставлять еще больше неприятностей Клементу и небольшому кругу людей, которые собирались в их доме, преломляли хлеб и были объединены одной верой. Отец претерпел довольно преследований, подумал он, а этот богатый, возмущенный человек перед ним мог только снова навлечь трудности на их семью.

„Пожалуйста, – попросил он еще раз. – Может быть, Вы все-таки придете?“

„Мое решение остается в силе. Если ваш раб возвратится, я заберу его, если же нет, то твой отец в ответе передо мной. Когда наступит время, я сообщу ему точную сумму возмещения. А теперь ты можешь идти“.

Энтони удалился вместе с Филиппом, но отец велел ему вернуться.

„Энтони, я не хочу, чтобы ты имел что-нибудь общее с сыном арестанта. Твоей дружбе с этим мальчиком следует положить конец“.

Энтони прикусил губу, но ничего не сказал. „Мне очень жаль, Филипп“, – сказал он на прощанье.

„Я знаю, это не от тебя зависит, – ответил Филипп. – До свидания, Энтони.“

Он отвернулся. Энтони смотрел ему вслед. Ему очень хотелось расспросить его об аресте отца.

Клемент не удивился, когда Филипп передал ему ответ. „Не беспокойся, – утешал он его. – Господь любит нас и знает наши нужды. Будем молиться дальше и искать Деркка“.

Когда несколько дней спустя в их дом было принесено письмо, Клемент не мог скрыть страха в голосе. Он прочел Приске, Филиппу и Люцию письмо, из которого следовало, что с него причиталась сумма, превышавшая все, что они когда-либо могли себе позволить.

Филипп был совершенно подавлен и в то же время возмущен. „О, как мне жаль. Я знаю, что это я во всем виноват! Я выбрал Деркка, а потом не смотрел за ним так, как положено. Как ужасно, что отец Энтони так поступает с нами...“

„Филипп!“ – упрекнула его Приска.

„Я знаю, что ты скажешь, мама: „Любите своих врагов и спокойно наблюдайте, как ваш дом грабят!“ Я же не могу любить этого человека и согласиться с тем, как он с нами поступает. Это жестоко. Знаешь ли ты, что он сказал?“

„Могу себе представить“, – мягко ответил Клемент.

„Как бы мне хотелось, чтобы все это не случилось“.

„Да, и нам тоже“, – Клемент выглядел усталым. В последние ночи он спал очень мало, но теперь он улыбался. „Не дадим места заботам и опасениям. Я все еще полон надежды, что Господь Иисус поможет нам и Деркку“.

Но Филипп не мог полностью разделять надежд отца. Чувство вины и ответственности обременяло его. Он чувствовал себя обязанным что-то предпринять.

На следующее утро он поспешил к дому Гаяя.

„Филипп!“ Гай как раз занимался тем, что одевал целую группу галдящих малышей. Кругом маячили руки и ноги, а когда Гаяю удавалось ухватить кого-нибудь, он тут же натягивал подходящую одежду: одному – рукав туники, другому – сандалию.

„Может быть, ты хотел бы еще до занятия увидеться с отцом?“ – сказал он, перекивая всех.

Филипп, не привыкший к маленьким детям, ошарашенно смотрел вокруг.

„Да, пожалуйста“, – ответил он.

В комнату вошла сестра Гаяя – Фелицита, неся в руках миски для завтрака детей. Увидев Филиппа, она удивленно взглянула на него, покраснела и быстро занялась детьми. При виде еды оживленная стайка вдруг приумолкла. Тишина была столь же подавляющей, как шум.

„Пошли“. Гай показал ему дорогу и удивился, почему Фелицита проявляла сегодня такой интерес, присматривая за детьми во время еды.

„Отец, вот Филипп“.

В комнате было неприбрано, повсюду валялись открытые пергаменты. Отец Гаяя как всегда сидел, углубившись в книгу, и бросил на него беглый взгляд. Можно было заметить, что его отвлекли.

„Господин, – Филипп тут же приступил к теме, – моя се... – я хочу сказать, что мне срочно понадобились деньги. Не можете ли Вы поручить мне заниматься с некото-

рыми из Ваших младших учеников? Даю Вам слово, я буду очень стараться“.

„Хм...“, – учитель медлил, пытаясь переключиться к реальности, оторвавшись от своих размышлений об Афинах четвертого столетия до Р.Х. и о философах с их поисками праведника.

„Это неплохая мысль, отец, – согласился Гай. – Тебе срочно нужна помощь. Но Филипп, как же насчет твоей учебы и атлетических соревнований?“

„С этим все в порядке“, – Филипп знал, что все это теперь не столь важно, ибо заметил, как нуждаются в его помощи родители. В этот момент раздался голос Фелициты: „Гай, скорее ко мне! Помоги!“ Гай всегда помогал ей, что бы это ни было. Филипп спрашивал себя, всегда ли жизнь Гая и его сестры была именно такой.

Однако, их отец не заметил ничего необычного.

„Пожалуйста, господин, – настаивал Филипп. – Я мог бы уже начать. Для этого я буду готовиться после обеда и вечерами“.

„Хм...“, – повторил учитель. Он смотрел на Филиппа, будто впервые видел его.

„И малое дитя поведет их“, – пробормотал он, вспомнив какую-то цитату.

„Означает ли это, что Вы разрешили мне?“ – воскликнул Филипп. Он узнал эти слова и истолковал их в свою пользу. „Я мог бы начать уже сегодня, если Вы скажете мне, какие уроки Вы запланировали на сегодня“.

„Хм...“, сказал учитель в третий раз, когда его сын снова вошел в комнату.

„Вот книга, которой ты пользуешься, не так ли, отец? – спросил Гай, готовый помочь. – Смотри, Филипп, я закончил ее вчера вечером“.

„Спасибо, Гай“, – сказал Филипп, когда они были в той части классной комнаты, где сидели и ждали младшие мальчики. Теперь шесть более старших учеников могли получать уроки отдельно, и это всем могло пойти на пользу.

„Ты делаешь это из-за Деркка? Правда ли, что отец Энтони хочет, чтобы ему была возмещена вся сумма?“ – поинтересовался Гай.

„Да, он думает, что Деркк больше не вернется, и теперь настаивает на деньгах. Мы все равно не выдали бы ему Деркка“, – взволнованно добавил он.

„Конечно, нет, – согласился Гай. – Надеюсь, Деркк находится в безопасности.“

„Я тоже, – заверил Филипп. – Отец уверен, что с ним все благополучно“.

„Я тоже не сомневаюсь, – тут же добавил Гай. – Сегодня вечером у вас опять будет совершаться молитва за Деркка, правда ведь? Ты тоже будешь присутствовать, Филипп?“ – немного сдержанно поинтересовался он. Но Филипп решительно ответил:

„Безусловно. Я рад, что встречу тебя там“.

Радостный взгляд Гая сопровождал Филиппа в течение всего этого трудного дня.

Плата за вину

От страшной боли Деркк едва поднял голову. Он с трудом мог понять, что с ним случилось. Закрыв снова глаза, он думал про судно... Но всему этому ужасу настал конец. На помощь пришел незнакомец, подавший ему напиток, и Деркк вспомнил покой дома Клемента, который мог бы принести ему спасение, если бы он не противился этому. Он вспомнил, как в отчаянии призывал Лайта и волшебные силы. В могильном кургане жрецы пообещали мальчикам, что ознакомят их с еще большими таинствами.

„Вы вместе поведете народ“, – провозгласили они близнецам.

„Куда?“ – спросил Лайт.

„Сначала мы освободим темные силы здесь и в трех соседних могильных курганах. Потом вы соберете племена и с пением, отважно поведете их на юг, против римских войск.“

Эта идея окрылила Деркка. Ибо еще до этого отдельные племена так рассеялись на севере и юге страны, что не было никакой надежды когда-нибудь отразить нападение врагов. Потому Деркк и радовался, когда они отправились выступить против римских кораблей. Он верил в то, что настала минута славы и триумфа.

Но все кончилось так ужасно.

„Я призывал тьму, – со страхом думал он. – Она принесла мне рабство. Я призвал ее еще раз, и она послала огонь и бегство. Я попался в ее сети“. Он онемел от ужаса. „Куда она приведет меня?“

Он не мог понять, сколько других людей было заперто вместе с ним. Сено, на котором он лежал, было полно человеческих нечистот. Деркк закрыл лицо руками и долго безутешно плакал.

Он пытался думать о доме, о высоких холмах и горных грядах, у подножия которых раньше было море. Он вспоминал темные леса за обнесенным стеной селением, в котором Лайт теперь жил один. Голова ужасно болела, и его морозило. Вдруг его стошнило. Ему показалось, что все пошло кругом, и, наконец, он потерял сознание.

Он пришел в себя, почувствовав прохладное дуновение ветра. Его вытащили вон, и теперь он, спотыкаясь, шел вперед. На его запястьях были цепи, и он принадлежал к едва держащейся на ногах группе связанных цепью людей, которые медленно передвигались при ярком солнечном свете. Никто из них не подозревал, что через несколько минут они будут прикованы к трюму судна, лишившись надежды когда-либо снова увидеть солнце.

Надсмотрщик – тот же одноглазый мужчина, который обхитрил Деркка, подгонял их своей плеткой. Некоторые громко кричали, когда их парами приковывали к тяжелому веслу, предназначенному для двух человек. Другие изрыгали проклятия, а несколько человек молились своим богам. Услышав ужасный скрежет, когда прикреплялись его цепи, Деркк безнадежно упал вперед. Жгучая боль в спине и безжалостный пинок вынудили его подняться. Перед глазами плыло отвратительное одноглазое лицо. Затем массивное тело надзирателя исчезло из вида. Доставив на корабль вторую партию пленников, он удалился, чтобы пропить свою выручку.

Весло было тяжелым. Мужчина, сидевший рядом с Деркком, даже не повернулся к нему, чтобы поздороваться. Судно легко покачивалось на волнах.

Позднее они испытают бури; больным и несчастным, им придется грести, страстно томясь по облегчению, которое никогда не наступало.

Постепенно они привыкли к голоду, усталости и слабости. Они привыкли напрягаться телами над веслами и равномерными движениями двигать корабль по морю. Они также привыкли к ударам и ужасным наказаниям

плеткой надсмотрщика. Они привыкли к еде, которая никогда не насыщала, и изобрели способы, чтобы ее хватало подольше. Они дрались за пищу, как звери, и ненавидели друг друга.

Многие умирали. Как и на корабле, на котором Деркк был до этого, их тела вытаскивали и бросали в море. Выжившие привыкли и к этому.

Иногда Деркк вспоминал дом, но легче было не думать об этом. Но однажды вечером кто-то, сидевший перед ним, затянул песню, которую пели на его родине. Остальные слушали. Греблю не прекращали, и работать было как-то легче.

„Лайт!“ Деркк шевелил губами, ни слова не произнося вслух. „Ведь не иначе, что Лайт поет дома и думает обо мне. О Лайт, прогони своим пением темные силы от нас обоих!“ На глазах выступили слезы. Раскачивающаяся возле него фигура, своего рода тень, которую он никогда не мог стряхнуть, громко всхлипывала.

Последовал звук плетки – свистящий звук, который они все знали и которого боялись – и пение прекратилось.

„Это научит вас, что значит петь во время работы“, – завопил надсмотрщик и обрушил на них поток ругани.

Деркк ненавидел его, как и все его товарищи по несчастью. Но кого они ненавидели еще больше, так это своих соседей. Прикованных к цепи, будто тень, постоянно раскачивающихся взад-вперед в ритме работы. Лиц которых они никогда не видели, ибо они никогда не поворачивались лицом друг ко другу, и с которыми они никогда не разговаривали, потому что говорить было не о чем. Хотя они слышали каждый всхлипывающий вздох и каждое приглушенное биение сердца, когда отдыхали, наклонившись над веслами, – веслами, ставшими неотъемлемой частью их жизни.

Однажды умер сосед Деркка, которого приковали несколько месяцев тому назад. Он вдруг упал, наклонившись вперед, и скатился со скамьи, отчего весло ударило

в живот Деркка. Ослабевший от голода, Деркк вскрикнул от боли. Умиравший перекатился по его голым ногам. Он грубо оттолкнул его. Мужчина обернулся, и они впервые посмотрели в глаза друг друга.

Деркк увидел пару безучастных голубых глаз, глубоко посаженных на истощенном, грязном, бородатом лице.

„Ведь и я так же выгляжу“, – подумал он и с интересом наклонился вперед. Его сосед еще долго лежал так. Его голубые глаза смотрели ввысь, и Деркк не мог уйти от их взгляда. Наконец, кто-то расслабил цепи и вытянул тело.

Теперь весло было тяжелым. Позднее, через день-два, когда они придут в то место, где находятся пленники, которых они перевозили, к Деркку прикуют нового человека.

Работе не было конца.

*

Гай перекладывал из руки в руку маленькую шкатулку. Она была из серебра. На ее крышке блестел маленький рубин. Это принадлежало его матери, и вскоре после ее смерти, в минуту проявления редкой заботы, отец дал ему эту шкатулку. Маленькая шкатулка была дорога Гаю, потому что служила памятью о его матери. Он уже едва помнил, как она выглядела, но охотно вспоминал то время, когда в их доме был слышен смех и ощущался уют. Он осторожно завернул серебряную шкатулку в кусок материи и ушел с ней.

Филипп хорошо проявлял себя в качестве учителя, и маленькие мальчики, которых он учил читать, писать и считать, очень любили его. Вся школа говорила о его новом занятии. „Почему он занялся этим?“

„Говорят, что его семье требуются деньги“.

Когда об этом спрашивали Энтони, тот был очень воздержан. Тимон и Грегори тоже помалкивали. И все же поползли различные слухи.

Гай пришел на рынок. У него не было большого опыта в купле, тем более в продаже. Поэтому он немного расте-

рянно ходил взад-вперед, прежде чем нашел лавку, которая ему была нужна.

Тучный торговец протянул свою не очень-то чистую руку и критическим взглядом осмотрел шкатулку. Гайю было нехорошо на душе.

„Хм, у нее на дне царапина“. Мужчина вновь и вновь поворачивал шкатулку. „Камень сидит не очень крепко, – проговорил он после длинной паузы. – Сколько же ты хотел бы за нее получить?“

„Не знаю“, – неопределенно ответил Гай.

Торговец тут же назвал смехотворно низкую цену.

„Не могли бы Вы... не могли бы Вы дать немного больше? На крышке настоящий рубин. Шкатулка принадлежала моей матери...“ – и он умолк.

„Надо, однако, учесть, что камень едва держится, а на дне царапина. Очень красивая вещичка. Однако, мне жаль, я не могу дать за нее больше“. Голос торговца выражал притворное сожаление.

„Ну ладно“, – согласился Гай.

Он спрятал деньги и отправился домой. Ему все еще было не по себе. Но теперь у него, по крайней мере, было что-то, что он мог принести Клементу – маленькая сумма, чтобы помочь им отплатить долг. Эта мысль подбодрила его.

В тот вечер в доме Клемента собралось много гостей, и никто не пришел с пустыми руками. Приска заплакала, когда увидела, как друзья выкладывали деньги на стол, к которому их так часто приглашали и за которым их угощали.

„Гай!“ Филипп вдруг с удивлением увидел, что его друг робко подвинул к другим дарам кучку монет.

„Да что уж тут, – сказал Гай. – В конце концов, во всем этом была и моя вина“.

„Твоя вина?“

„Да, это я допустил, что Деркк выпустил собаку из клетки. Бедный Деркк, где же он мог бы сейчас быть?“

„Как бы мне хотелось услышать о нем. Может быть,

отец Энтони так обрадуется деньгам, что поможет нам найти его. Но посмотри-ка, Гай! Разве не замечательно? И при этом все они сами так бедны!“

Гай с радостным удивлением смотрел на Филиппа.

„Я бы хотел попросить у тебя прощения, Гай, – вдруг сказал Филипп. – Мне хочется, чтобы наши отношения наладились“.

„Уже давно все в порядке, – возразил Гай. – Все уже в прошлом“. Они улыбнулись друг другу немного смущенно, но радостно.

„Пошли, – посоветовал Филипп, – поищем себе удобное место“.

Люди обступили Клементу, радуясь его счастью. Вдруг все обернулись, и по рядам прошел радостный шепот, когда к Клементу подошел высокого роста мужчина, одетый беднее, чем все остальные.

„Вот мой дар“, – сказал он скромно, обнял инвалида и положил на стол потрепанную кожаную сумку.

„Рудольф!“ – воскликнули все и радостно приветствовали его.

„Как хорошо снова видеть вас всех – но я пришел, чтобы проститься с вами“.

„Разве ты покидаешь нас? – озабоченно поинтересовалась Приска. – Что ты задумал?“

„Я должен нести любовь Божию другим людям, как вы разделили ее со мной“, – ответил Рудольф и сел на пол рядом с Филиппом и Гаем.

„Расскажи нам о своем намерении, Рудольф“, – попросил его Клемент, и все закивали головой в знак согласия.

„Тут нечего много рассказывать, – начал Рудольф. – Несколько недель тому назад я услышал там, в гавани, рыдания мужчины, но, несмотря на мои усилия, мне нигде не удалось его найти. На следующий вечер я нашел в канаве мужчину. Он был ужасно толстым и одноглазым. Он плевался кровью и изрыгал ругательства, потому что его избили и обокрали. Утрата денег беспокоила его больше, чем раны и ушибы. Я отвел его к себе домой и перевязал его. При этом я узнал, что рыдания, которые я слышал накануне, исходили от одного обреченного, которого мой одноглазый гость продал, чтобы тот был пожизненно прикован к веслу судна. Я не мог забыть эти отчаянные рыдания, но не знал, что мне делать, – до вчерашнего дня, пока я снова не встретил одноглазого. Он показал мне, как я мог помочь этим обреченным: у моего одноглазого друга много связей!“

„Но Рудольф!“ – запротестовала Приска.

„Нет, дорогая, – ласково вмешался Клемент, – если Рудольф хочет пойти туда, в самую тьму, то нам нельзя удерживать его“. Он с усилием поднялся, возложил руки на Рудольфа и благословил его. Другие поступили так же. Кто-то стал громко молиться, а когда он закончил, некоторые начали петь. Ночь пролетела незаметно, а на рассвете Рудольф поднялся, чтобы потихоньку удалиться. Но остальные окружили его, а Люций и Филипп поспешили в кухню.

„Пожалуйста, останься с нами и раздели трапезу“, – упрашивала Приска.

Рудольф обнял ее. „Я принял участие в трапезе радос-

ти!“ – заверял он. Но она сунула ему в руки гору хлеба, фруктов и сыра.

„Может быть, тебе удастся дать что-нибудь этим беднякам, которых ты там встретишь“. Голос ее был взволнован, но она сдержала слезы.

„Разреши мне немного проводить тебя и помочь нести все это, – попросил Филипп, который принес из кухни еще много провианта. – До начала занятий у меня еще целый час“.

„Да, разреши мальчику пойти с тобой“. Клемент поднялся. Он выглядел очень усталым, и Филипп вдруг заметил, каким старым и больным он выглядел. Он видел, что руки Клемента дрожали, когда он поднял их и положил Рудольфу на плечи.

„Может быть, потому мне удалось спастись от пасти диких зверей на римской арене, чтобы стать свидетелем того, с какой радостью ты идешь служить тем, которые заживо обречены на смерть“, – сказал он. Рудольф в последний раз обнялся со своим другом.

Когда они вместе шли по тихим улицам, Филипп рассказал Рудольфу все про Деркка.

„Рыжий, говоришь ты, и ты купил его через день после нашей последней встречи в гавани?“ – спросил Рудольф. „Тогда я знаю его, – заявил он своему удивленному другу. – Однажды, после того как я встретил тебя, я был по делу в гавани. Мне нужно было напоить выгруженных лошадей. Но я заметил, что тут были и пленники, и когда предоставлялась возможность, я подходил к ним и приносил им воды. Деркк – ты так называешь его – мне особенно запомнился. Я часто думал над тем, что могло с ним стать. Когда мы вчера молились за него, мне стало ясно, что это, по всей вероятности, был тот мальчик“.

Филипп вздохнул. „Может быть, он тем временем нашел себе дом. Хочется надеяться, что это так!“

„Ты действительно так думаешь, Филипп? Несмотря на то, что он доставил вам столько трудностей?“

„О да, – попытался объяснить Филипп. – Когда я послушал других и купил Деркка, то ... то я сделал это просто для того, чтобы порисоваться перед другими. Но отец всегда относился к нему так, будто он что-то значил для него. Ты понимаешь, что я имею в виду?“

„Да, понимаю“, – ответил Рудольф, размышляя.

„И Гай. Это заставило меня задуматься. Но и для меня он что-то значил после того, как мы молились о нем, когда он болел. Я просто не мог обращаться с Деркком так, как этого ожидали от меня другие мальчишки... Эй!“ – он сердито обернулся.

Кто-то толкнул его и чуть не сбил с ног. Провиант Приски упал, и группа мальчиков, окруживших Филиппа и Рудольфа, начала со смешками приставать к ним.

„Хорошие домашние пироги после такого торжества! – закричал один. – Боже мой, да это же учитель Филипп!“

„Тимон!“ – прошептал Филипп.

„Укротитель волков, ставший учителем,“ – смеялся Тимон. Один из них схватил Филиппа, только в отношении Рудольфа они были не совсем уверены.

„Ого, а хлеб-то вкусный!“ Один из мальчишек откусил солидный кусок свежего хлеба. „Попробуй-ка, Энтони. Его отец все равно должен тебе целый короб. Я хочу сказать, что уж корка-то тебе причитается“.

Энтони тоже был возбужденным и подвыпившим, как и другие, но он покачал головой.

„Отпусти его“, – сказал он мальчику, который все еще крепко держал Филиппа.

Тимон, по-видимому, был действительно пьян. „Иди сюда, ты! – насмеялся он над Рудольфом. – Что, не можешь бороться? У тебя плечи настоящего раба-гребца. Тебя следовало бы приковать к судну!“

Рудольф отстранил его от себя. „Возможно, так со мной и поступят“, – тихо проговорил он, но Филипп уловил эти слова и кинул на него быстрый взгляд.

Сила Рудольфа немного протрезвила Тимона, и он

отошел в сторону. „Ты, конечно, шутишь“, – пробормотал он.

Рудольф наклонился, чтобы собрать упавший хлеб. Другие оставили Филиппа в покое и исчезли. Праздник кончился, и было как-то подпорчено, так что протрезвление было неприятным. Энтони последним пошел дальше. Он все время оглядывался через плечо, как будто хотел остаться.

„И это когда-то были мои друзья, – воскликнул Филипп. – Но что ты имел в виду, Рудольф? Неужели ты и правда хочешь дать приковать себя к веслу?“

„Мне не хотелось, чтобы об этом узнали твои родители“, – согласился Рудольф.

Филипп остановился. „Таким образом ты раздобыл деньги для моего отца? Ценой своей свободы?“

Рудольф кивнул головой. „Разве я не сказал вам, что я слышал ночью рыдания обреченного? Когда ты был еще совсем маленьким, Филипп, твои родители проявили ко мне большую любовь“. При воспоминании об этом он улыбнулся. „Им никогда не оценить того, как многим я им обязан“.

На его плечо легла твердая рука, и Филипп, которого еще мучило много вопросов, увидел перед собой лицо необычно толстого одноглазого мужчины.

„Видишь, я сдержал свое слово и пришел на рассвете, как пообещал“, – обратился к нему Рудольф.

„Я не верил, что ты так поступишь“, – удивленно ответил мужчина.

„Для чего здесь цепи?“ – спросил Филипп.

Мужчина обернулся: он вдруг стал недоверчивым.

„Эй, да не ловушка ли это? Если хочешь знать, он сам так захотел“.

„Филипп, Филипп, не печалься“. Рудольф протянул руки, и мужчина надел ему наручники. „Вот, я иду добровольно, чтобы нести во тьму любовь, которую мы познали“.

„Ничего подобного я еще не слышал!“ Мужчина все еще не доверял. „Однако, ты спас мне жизнь, а такого я не забываю. Поэтому я отпустил тебя с деньгами“.

„Хорошо, благодарю тебя. Ты сделал мне хороший подарок: предоставил мне ночь радости у моих друзей“.

„Пошли“. Мужчина стал проявлять нетерпение. „Судно готово к отплытию“.

„Возьми хлеб“. Филипп засунул его в руки друга. „О, Рудольф, Рудольф!“

„Да пребудет с тобой Господь, Филипп“. Рудольф с трудом обнял его и дал мужчине отвести себя к ожидающему судну и группе скованных цепью мужчин. Филипп видел, как Рудольф раздал им хлеб. Он подождал, пока судно подняло парус, а затем поспешил домой. Дома он увидел родителей одних, в слезах. В сумке, которую Рудольф положил рядом с другими дарами, были слитки золота. Теперь они могли сразу уплатить весь долг.

Другой путь

После бессонной ночи Филипп был усталым и возбужденным. У него не было большого желания уделить много внимания своим юным ученикам, которые в тот день были особенно беспокойны. Длинный пересказ посланий и цифр наскучил ему так же, как во времена своего учения.

Свиток, из которого он диктовал, чуть не выскользнул из его руки; он заметил, что чуть не задремал, и попытался сконцентрировать внимание. Вдруг он дошел до того места пергамента, в котором ранее написанные слова были не совсем стерты. Он скучно читал:

„Несмотря на славный мир, учрежденный нашими войсками во всем мире, все же временами имеют место инциденты, особенно в Иудее...“

Сухой, высокопарный текст навел его на мысль.

„Отложите перья в сторону, – велел он детям. – Я расскажу вам сейчас правдивую историю, и я уверен, что вы никогда не забудете ее“. Он превозмог обычную осторожность и рассказал им о Человеке, Которого вывели на смерть за стены Иерусалима – столицы Иудеи, и о Его последователях, которые с радостью выходили на римские арены и пели песни победы перед тем, как быть растерзанными дикими зверями или быть сожженными заживо, чтобы стать живыми факелами на празднестве императора.

Дети вдруг стали внимательными, а Филипп забыл про головную боль.

„Этого Человека зовут Иисус, – сказал он, пытаясь ответить на все интересовавшие их вопросы. – Он жив и сегодня. Может быть, ваши родители говорили вам, что император – бог. Но это ложь. Настоящим Господом этой жизни является Иисус...“

„Почему же Он не приходит и не правит нами?“ – спрашивали мальчики.

„Почему мы должны поклоняться императору?“

„Куда же делись все христиане? Неужели всех их съели львы?“

„Да, многих, – отвечал Филипп сначала на первый вопрос, – но не всех“. Он вспоминал многое, чему был научен с детства, и думал о Рудольфе и событиях прошедшей ночи в их доме. „Я христианин“, – добавил он.

„Ты?“ Они внимательно смотрели на него.

Его снова охватила усталость. Он думал еще о том, что ему нужно пойти к отцу Энтони и отдать ему деньги. Тени на тихом дворе стали длиннее, чем когда он обычно кончал утренние занятия. Он провел рукой по лицу.

„Очень жаль, – обратился он к детям. – Вы можете идти. Я и так вас задержал“.

„Расскажи нам еще про Иисуса“, – просили некоторые, – и про христиан“.

„Охотно, – закричал Филипп, чтобы перекричать шум учеников, собиравших свои вещи, – в другой раз“.

Один маленький ученик остался.

„Господин учитель“, – растерянно сказал он.

„Что?“

Ученик глотнул и сделал еще одну попытку. „Я – я тоже христианин, господин учитель“.

Мальчику могло быть девять или десять лет, как прикинул Филипп, и он удивленно смотрел на него. Он вдруг почувствовал разделяющую их разницу в 5-6 лет. Что ему сказать на это?

„Твои родители тоже христиане?“

„Нет, господин учитель. Мой отец поколотил меня, когда я сказал ему, что стал христианином“.

„Но это тебя не оттолкнуло?“

„Нет, господин учитель!“

„Как же ты услышал об Иисусе?“ – любопытствовал Филипп.

„Уже давно. Мне было только девять лет. Теперь мне десять, – добавил он. – Мой старший брат и я часто ходили в гавань смотреть корабли. Один рыбак был очень добр к нам. Он когда-то был моряком...“

„Его звали Рудольф?“

„Да, – его глаза засияли. – Откуда Вы знаете это?“

„Он один из моих друзей. Рудольф рассказывал тебе об Иисусе?“

„О да, мы часами беседовали вместе. Но когда мой отец узнал об этом, он запретил нам ходить в гавань. Но я не забыл о том, что рассказал нам Рудольф, хотя иногда бывает тяжело“.

„Да, я знаю“, – согласился Филипп. Он доверился своему младшему другу, который претерпел побои за веру, и рассказал ему, что утром стал свидетелем того, как Рудольф добровольно дал себя повести на судно.

„Я никогда не забуду его“, – пылко заявил мальчик.

Филипп положил руку на плечо своего ученика.

„Будем чаще беседовать друг с другом после того, как все уйдут, – сказал он. – Как тебя зовут?“

„Мартин, господин учитель“.

Филипп почувствовал вдруг ответственность за мальчика. „А теперь беги домой, Мартин. До завтра“.

Оставшись один, он задумался над тем, что рассказал ему мальчик, и над вопросами, интересовавшими других. Он попытался спланировать завтрашнее занятие. Но это ему не удавалось. Все время беспокоила мысль о том, что нужно разыскать отца Энтони и передать ему деньги.

„Ненавижу его“, – думал он.

Он еще посидел некоторое время, наблюдая за тем, как тени становятся все длиннее. Завтра он не будет пользоваться той скучной книгой, решил он...

„Филипп!“

Он смутился. В двери стояла растерянная Фелицита.

„Уже поздно, – сказала она нерешительно, – и мы уже

все поели. Я оставила тебе кое-что. Не хочешь ли пойти поесть?”

Она стояла – грациозная, робкая и уставшая.

„Ты очень любезна“, – сказал Филипп с участием. Он заметил, как ее лицо осветилось улыбкой. Вдруг у него появилось большое желание рассказать ей обо всем: о Мартине, о Рудольфе и об отце Энтони, который хотел их всех уничтожить. Она слушала, смущенно идя рядом с ним. У него было такое чувство, будто она все понимала намного лучше, чем Гай.

„А когда я увидел Энтони сегодня утром вместе с другими, меня охватила злость, – закончил Филипп. – Подумать только, сколько отцу и матери пришлось перетерпеть из-за всего этого“.

Когда Филипп сел и принялся за еду, Фелицита удивила Филиппа и Гая, сказав: „Бедный Энтони! Мне жаль его. Он всегда был под каблуком своего отца. В противном случае он был бы другим человеком. В конце концов, он пытался удержать других, когда они сегодня утром приставали к вам“.

„Да, правильно“, – согласился Филипп и продолжал: „Знаешь, Фелицита, возможно, ты и права насчет Энтони“. Он с удивлением смотрел на нее и улыбался. Фелицита покраснела и вышла из комнаты.

„Ох уж эти сестры! – заметил Гай. – А моя вечно преподносит сюрпризы“.

Филипп молчал. Он быстро покончил с едой и пошел домой за деньгами.

Энтони удивленно открыл дверь, когда Филипп постучал к ним. Филипп ужасно устал. Несмотря на свой разговор с Фелицитой, он был оскорблен тем, как с ним поступили его прежние друзья.

„Я пришел поговорить с твоим отцом“, – сказал он.

„Мне кажется, он еще не встал. Вчера он устраивал торжество“. Энтони медлил. „Ты хочешь говорить с ним лично?“

„Да“, – подтвердил Филипп.

„Что ж, я пойду и спрошу его, желает ли он говорить с тобой“. Он не мог сказать Филиппу, какой страх он испытывал перед своим отцом.

Когда Энтони вернулся с озабоченным видом, Филипп стоял, устало прислонившись к колонне. Его отец, как всегда, раздраженный, страдающий от свойственной ему ворчливости, свирепо посмотрел на него: „Пусть он выясняет отношения с моим секретарем“, и категорически отказался принять „сына этого преступника“.

Но Филипп упорствовал.

„Отведи меня к своему отцу, Энтони. Я сам хочу поговорить с ним“.

Когда они вместе шли по коридору, Энтони прервал сковывавшее их молчание: „Мне жаль, что утром все так получилось, Филипп.“

„Ничего“, – резко ответил Филипп.

„И все-таки. Мне очень жаль, что мой отец так обраща-

ется с тобой, да еще эти требования, которые он предъявляет к твоей семье. Я хотел прийти к тебе и сказать об этом, но он даже шпионит за мной. Я никогда не могу отлучиться без того, чтобы меня сопровождал какой-нибудь раб или еще кто-нибудь“.

В голосе Энтони было что-то такое, что заставило Филиппа прислушаться.

„Мне противно, как мы живем. Ведь в жизни должно быть что-то другое, кроме этих праздников, этой погони за богатством: если хочешь – бери – пусть даже силой, и лишь для того, чтобы потом выбросить. Отец живет только в свое удовольствие“. Теперь он говорил шепотом.

„Я никогда не забуду, как он смотрел на Деркка. Это навело меня на размышления – о многом. Но я ни с кем не могу поговорить об этом. Тимон, Грегори и остальные не поняли бы меня. Они и так считают, что я чересчур зазнаюсь – только потому, что я не иду слепо за ними. Но ты и Гай – даже если мы над ним посмеиваемся – вы думаете по другому. Почему так получается, Филипп?“

Слушая все это, Филипп думал о том, что он утром сказал детям.

„Да, Энтони, существует другой путь“, – медленно начал он, но Энтони прервал его. Его голос перешел в шепот: „Вот комната моего отца.“

„Я войду один, – предложил Филипп, тоже перейдя на шепот. – Тогда он не сможет обвинить тебя“.

Он вошел в затемненную комнату, в которой отец Энтони лежал, вытянувшись на кровати и обхватив большую голову руками.

„Вот деньги, – сказал Филипп. – Не желаете ли Вы дать моему отцу квитанцию?“

Мужчина сердито взглянул на него. „Это ты? Я же сказал Энтони, что не хочу иметь с тобой никакого дела“.

„Если бы Вы знали цену этих денег, то Вы бы поняли, почему я хочу передать их только вам, и никому другому“, – твердо сказал Филипп.

„Какое нахальство! Как ты можешь утверждать, что я не знаю цену деньгам!“ Он сидел, выпрямившись, как свеча. „Вы, молодежь, не знаете цену вещам“. Но теперь он с интересом смотрел на Филиппа, будто видел его впервые.

„А что касается моего сына, – доверительно заговорил он в своей хвостовской манере, – я не могу понять, что с ним случилось! Вместо того, чтобы следовать семейной традиции и работать на наше доброе имя, он заявляет мне, что ему не нравится, как я отношусь к рабам. Что еще будет из этого? Я просто не знаю, что происходит сегодня с миром! Недавно, по пути на одну деловую встречу, я слышал, как на рынке один разглагольствовал. Высокий, оборванный парень, а возле него – целая толпа людей. Не знаю почему. Хочешь, верь, хочешь – не верь, он говорил, что боги – или, во всяком случае, один из них – сами обеднели, чтобы обогатить нас! А мой сын, как и следовало ожидать, стоял рядом, среди всей этой черни, и слушал этого типа, который выглядел так, что его скорее следовало бы приковать к цепи вместо того, чтобы разрешать ему распространять слухи и чепуху“.

„Он уже прикован к цепи, – прервал его Филипп. – Поэтому эти деньги и столь ценны.“

Но отец Энтони отсутствующе смотрел на него.

„Ценны“. Он ухватился за слово, которое, как ему казалось, он понял. „Конечно, ценны. Да ты, пожалуй, более деловой, чем я предполагал, – ворчал он. – Открой-ка ставни“.

Когда дневной свет проник через открытое окно, он начал тщательно пересчитывать деньги. „Я дам тебе квитанцию“, – продолжал он уже более примирительным тоном и велел, чтобы ему принесли писчие принадлежности.

„Не могли бы Вы написать: „Этим самым долг Клементы оплачен“ или что-то в это роде?“ – попросил Филипп, когда перед ним оказались пергамент и печать.

Распухшие, налитые кровью глаза уставились на него. „Хорошо, если тебе так хочется. Ты и правда, либо делец, либо просто спорливый человек. Я слышал, что ты работаешь учителем. Такое впечатление, что ты понимаешь толк в делах“, – бормотал он, царапая пером по пергаменту.

„... теперь полностью оплачен. Так. Кажется, все. Да, мне кажется, я должен послать его в армию. Это наведет его на другие мысли. Кроме того, это поможет ему сделать карьеру. Вот, получай“.

„Благодарю“. Филипп взял свиток, подумав про себя, что скажет Энтони, когда узнает о планах отца. „До свиданья“.

Отец Энтони был занят пересчетом денег и не отвечал.

Энтони ждал за дверями. „Он сказал тебе, что хочет отдать меня служить в армию?“ – спросил он, когда они удалились от комнаты отца. Филипп кивнул. „Я буду рад оказаться подальше от дома, – признался Энтони своему другу. – Мне кажется, солдатская жизнь – не самое плохое. Во всяком случае, можно так много увидеть“.

„Хм, – согласился Филипп. – Энтони, у этого высокого, оборванного человека на рынке лицо было в шрамах?“

Удивленный, Энтони на какой-то момент задумался. „Да, – медленно ответил он, – но он не выглядел отвратительным. В нем было что-то особенное. А почему ты спрашиваешь, Филипп? Отец говорил тебе об этом?“

„Да“, – ответил Филипп.

„Это был человек, с которым ты шел сегодня утром, не так ли? – вдруг спросил Энтони. – Мне не понравилось, как с ним разговаривал Тимон. Расскажи мне о нем, Филипп, откуда ты его знаешь?“

Они пошли дальше, и Энтони засыпал Филиппа вопросами.

*

Когда на следующий день Гай пришел к Филиппу, чтобы принести ему необходимые для занятий книги, он

застал Энтони и Клемент, сидящих рядом и погруженных в беседу.

„И этот Иисус, о котором говорил Рудольф на рынке, пришел в этот мир для всех людей, а не только для жителей Иудеи?“ – желал знать Энтони.

„Для всех, и для самых отдаленных племен. Бог послал Своего Сына, потому что Он возлюбил весь сотворенный Им мир. Этого любящего Отца явил нам Иисус“, – убежденно заверил Клемент.

„Как удивительно слышать о том, что существует любящий Отец, проявляющий ко мне интерес“, – сказал Энтони почти про себя, потрясенный этим новым познанием.

„Фелицита была права в отношении его“, – прошептал Филипп. Просматривая вместе с Филиппом принесенные книги, Гай удивился, как мало интересовался ими Филипп, несмотря на то что специально попросил их принести для него.

„Гай, будет ли Фелицита дома, если я зайду к вам завтра после школы?“ – вдруг спросил он. Гай удивленно посмотрел на него, и Филипп заметил, что заливается краской. „Я должен рассказать ей о том, что произошло вчера после обеда!“ – громко сказал он в свое оправдание. Энтони взглянул на часы и удивился, что было уже так поздно.

„Я должен идти, а то мой отец забеспокоится, – заметил он. – Мне удалось отделаться от человека, которого он послал за мной. Можно ли мне снова придти?“ – спросил он Клемент.

„Естественно. Приходи, когда тебе хочется“. Энтони поспешил уйти, они слышали, как он побежал домой. „Ну вот! – начал Клемент, – мы тоскуем по Деркку и Рудольфу, а вместо этого к нам приходит Энтони и легкими шагами снова уходит“.

Его усталое лицо светилось радостью.

Глава 8

Тень безумия

Деркк обрадовался, когда рядом с ним к цепи приковали другого человека. В начале бывало выгодно иметь рядом с собой новичка. Во-первых, новые рабы в большинстве случаев еще не были ослаблены голодом, непомерно длительным трудом и многочисленными побоями. Это означало, что некоторое время веслом будет управлять немало полегче. Во-вторых, новичкам нужно было сначала научиться бороться за еду, а до тех пор существовала возможность раздобыть немного больше хлеба к собственному скудному рациону: добавочной порции овсяной каши, которую они время от времени получали.

В этот день прибыло несколько новичков. Вопреки крикам и ругательствам, их приковали к своим местам. Другие рабочие оставались безучастными. Они знали, что тяжелое судно скоро приведет их к покою. Деркк пристально смотрел прямо перед собой, избегая смотреть на новичка рядом с собой.

И все же он был рад силам своего нового соседа и намеренно отдыхал. Он уже достаточно греб один – пусть теперь потрудится другой! В то время как его сосед изгибался и напрягался, Деркк делал вид, что гребет веслом, – только для того, чтобы не быть уличенным надсмотрщиком, и ничуть больше. Он уже ждал еды – того крошечного пайка, который хоть и не насытит его, но хотя бы немного предотвратит ужасную слабость. Естественно, возникнет ссора, если новичок – а если судить по тому, как он греб, то он казался очень сильным – заметит, что его порции не окажется. Но это скоро прекратится. Мужчина обругает и возненавидит его, так уж всегда было на судне.

Однако то, что случилось в действительности, ошело-

мило его. Новый мужчина даже не попытался отвоевать свою еду. Деркк едва смог успокоиться от счастья: ему удалось схватить двойную порцию, и теперь он даже мог спрятать кусочек „на потом“. Но и это еще не все. Его сосед, по всей видимости, вообще ничего не евший, протянул ему толстый кусок хлеба, который ему удалось каким-то образом протащить с собой на судно: у него было почти полбуханки совсем свежего, мягкого хлеба.

Деркк вырвал хлеб из его рук и все еще смотрел прямо перед собой. Он просто не желал подружиться. Прежде чем мужчина смог понять, что произошло, а другие заметить это, он запихнул хлеб в рот.

„Интересно, почему он так сделал? – соображал он. – Ничего, вскоре он, конечно, поймнет!“

Хлеб был намного лучше, чем черствый хлеб из отрубей, который они обычно получали. Вкус его напоминал ему что-то, но он не знал что.

Ему было все равно. Уже давно он не чувствовал себя таким сытым. Это чувство было настолько новым, что делало его почти счастливым.

Плохо только было то, что это утомило его. Когда они снова принялись за работу, он решил все еще не утруждать себя. Как было бы хорошо поспать. Его сосед, казалось, греб все сильнее. Он еще научится, подумал Деркк, и почти пожалел мужчину. Его потянуло на сон. Тело его раскачивалось взад-вперед. Деркк уснул.

Он проснулся от резкой боли, словно его кто-то ударил острием ножа. Он застонал и заметил, что по спине текла кровь. Надзиратель, будто страж диких зверей ходивший между рядами, всегда держа наготове свою огромную плетку, медленно шагал дальше.

Но еда и сон почти стоили того. Тут Деркк удивленно посмотрел в сторону. Его сосед откинулся назад и голыми руками вытирал кровь со спины Деркка, пытаясь остановить струю крови.

„Наклонись вперед“, – прошептал мужчина, и Деркк

послушался. Но надзиратель снова прошел мимо них. Когда мужчина убрал свои руки, они были покрыты кровью Деркка. Деркк смущенно и внимательно посмотрел на своего соседа. Но тот наклонился над своим веслом и усиленно греб. Его руки были покрыты шрамами и поблекшей татуировкой. Они всколыхнули в Деркке какие-то воспоминания.

Они гребли уже очень долго. Каким-то таинственным образом арестанты всегда узнавали, что предстояло, когда их привязывали глубоко в трюме корабля. Они знали, что в таком случае они скоро придут в новую гавань, в которой на корабль будут загружены солдаты и лошади. Эта новость подстегивала их, ибо означала, что им предстоит возможность поспать.

Некоторым из новичков стало плохо. Пахло еще отвратительнее, чем всегда. Сосед Деркка явно привык к морю. Чем больше Деркк думал о нем, тем более знакомым он ему казался, как и хлеб, вызвавший в нем воспоминания о чем-то приятном. Борьба с голодом и усталостью была теперь не столь сильной, и Деркк заметил, что он все чаще и чаще смотрит в сторону своего соседа. Но свет был таким тусклым, да и он был слишком слаб для того, чтобы долго размышлять: весло, напряжение, гребля, медленное течение времени – вот что было на первом плане.

Когда они вошли в гавань, Деркк тут же, как и все остальные, свернулся на грязных досках под веслом и уснул.

Они спали 12 часов подряд. Во сне Деркк унесся туда, куда он не решался отправиться даже в мыслях: домой. Один раз он крикнул во сне на родном языке. На его губах даже пробежала улыбка, когда во сне – а он опять был прежним босоногим мальчишкой – он бежал вдоль ручья, стекавшего с холма, и когда они с Лайтом бродили по болоту. Их испугал полевой жаворонок, выбежавший к их ногам из травы. Опытным взглядом Деркк обнаружил гнездо с четырьмя пятнистыми яйцами. Они оставили их

в гнезде, не притронувшись, и побежали дальше, чтобы разыскать оленей на высоких склонах гор. Когда Деркк проснулся и обнаружил, что он все еще прикован к цепи, он громко всхлипнул.

„Для всех труждающихся и обремененных есть покой“, – мягко сказал мужчина. Деркк хотел ответить, но тут стали раздавать еду, и надо было действовать, а не разглагольствовать.

Все остальные мужчины за это время научились бороться. Только сосед Деркка не делал этого. Он сидел спокойно и брал остатки, которых не заметили другие. Деркк наблюдал, как перед принятием пищи он поднимал свои закованные в цепи руки, будто молился. Вдруг он вспомнил тихие вечера за столом Приски и Клемента, где каждый предлагал еду своему соседу. Он молча протянул своему соседу кусок собственного хлеба. Их глаза встретились, и Деркк вдруг вспомнил, где он уже видел этого мужчину.

Но мужчина, сидевший сзади него, съязвил: „Эй, да тут есть парень, который отдает свой хлеб. Может быть, у тебя есть что-нибудь и для меня?“ Он попробовал подтолкнуть Деркка. Деркк опустил голову и зарычал, как Каллан в своей клетке.

„Конечно“, – сосед Деркка отломил солидный кусок от своего хлеба и дал мужчине.

Но тот смущенно отказался.

„Ладно уж, ешь сам. Тебе самому-то немного досталось. Я видел, как ты воздерживался“, – добавил он и продолжал размышлять: „Странный тип! Не иначе, как немного помешанный“.

„Благодарю за хлеб, Деркк“.

„Откуда тебе известно мое имя?“ Деркк уже был готов разговаривать с человеком, чье лицо в шрамах он не мог забыть. Но теперь он снова недоверчиво и осторожно отстранился.

„Потому что последний кусок хлеба, который мы разделили друг с другом, был испечен Приской“.

Не удивительно, что вкус свежего хлеба был так хорошо знаком ему. Но сердце Деркка ожесточилось.

„Они были моими хозяевами“, – мрачно заметил он.

„Я знаю, это рана, которая заживает очень долго, хотя тебе было нанесено много других, еще худших“.

Деркк покачал головой. Теперь он уже ничего не понимал. „Кто ты?“ – спросил он.

Мужчина тихонько засмеялся. „Знаешь ли, я едва мог поверить, когда Филипп назвал мне твое имя. Тебя зовут Деркк – и твое имя означает то же самое, что и мое. Ибо меня звать Рудиобус, что на моем языке означает „рыжий“. Мои друзья называют меня Рудольфом.“

„Но откуда же тебе стало известно мое имя?“ – продолжал осторожно настаивать Деркк.

„Потому что я не мог забыть тебя“, – мягко ответил Рудольф.

Деркк сделал над собой усилие. „Рудольф“, – ему не совсем легко давалось выговорить имя мужчины. Но последовавшие слова дались ему еще труднее: „Прости меня“.

„Простить тебя?“ – спросил Рудольф. „Но за что же, Деркк?“

„Я взял твой хлеб, не подозревая, кто ты“.

„Как ты мог подозревать? Ведь я тоже догадался только тогда, когда они привязали меня рядом с тобой. Но когда ты во сне вскрикнул на родном языке, я утвердился в своих подозрениях“. Когда надсмотрщик заново стал подгонять их работать, Рудольф опять наклонился над веслом.

Весла ритмично опускались в воду, когда корабль выплывал из маленькой гавани, и ветер наполнял четырехугольные паруса. Гулявшие на берегу люди наблюдали, как паруса маленького торгового судна натянулись.

„Какой чудесный вид!“ – в восхищении восклицали они, увидев надутые ветром паруса и блестящие на солнце весла.

Теперь Деркку не требовалось стольких усилий для ра-

боты. У Рудольфа все еще было много силы, и это облегчало задачу Деркка. Кроме того, теперь было много пищи для размышления. Он то и дело украдкой бросал взгляды на Рудольфа. Он вспомнил, как однажды взглянул в его израненное шрамами лицо. Наблюдая за покрытыми татуировкой руками Рудольфа, он вспомнил, как они протянулись, чтобы дать ему напиток.

„Почему они заковали тебя здесь?“ – спросил он запыхавшись. „Ты достаточно силен, чтобы оказать сопротивление. Меня они просто обманули“, – горько добавил он и вспомнил про одноглазого и про напиток, который ему налили.

Рудольф только кивнул. Они молча работали дальше, их тела одновременно раскачивались взад и вперед. Впервые за много месяцев Деркк почувствовал облегчение. Было хорошо чувствовать себя не одиноким.

К большому удивлению, это ощущение счастья все время росло. Сначала Деркку было еще трудно делиться и доверяться, но Рудольф, казалось, сочувствовал ему. Вскоре они ложились спать рядом и иногда тихонько говорили друг с другом. Остальные с удивлением пере-

глядывались. Часто они делили длительные периоды тишины точно так же, как и скудную пищу. Деркк больше не отвоевывал свою долю еды, тогда как Рудольф сидел и ждал, что оставят другие.

С течением времени и другие вокруг перестали бороться. Постепенно они начали тихо говорить друг с другом, когда надсмотрщик удалялся.

„Ты действительно странный, – сказал один из них Рудольфу. „На тебе полно шрамов, будто ты принял участие во многих сражениях, а здесь ты ни с кем не борешься“.

„Зачем мне бороться?“ – спросил Рудольф. Они покачали головами. Никто не нашел что ответить на столь простой вопрос. Когда они снова принялись за работу, Рудольф вдруг начал петь громко и воодушевленно, так что пение было слышно по всему судну и все удивленно прислушались.

„Не надо, Рудольф!“ – предупредил Деркк. „Не делай этого“.

Испуганный, он услышал тяжелый удар плетки.

„Нет!“ – застонал он, но Рудольф смотрел вверх.

„Мне очень жаль, – сказал он. – Но я так люблю петь, а ты?“

„Что-о-о?“ Надсмотрщик был так ошеломлен, что даже не знал, что ему на это сказать. Он смерял Рудольфа взглядом сверху донизу. „Ты интриган, – заметил он. – Но, с тех пор, как ты здесь, люди начали доверять друг другу. Такого я еще никогда не наблюдал среди рабов. Видимо, ты им о чем-то рассказываешь, не так ли?“

Рудольф отрицательно покачал головой. „Нет, у нас нет времени для разговоров друг с другом“.

„Ну ладно, – проворчал мужчина, еще крепче схвативши свою плетку. – О чем могут говорить такие рабы, как вы? Продолжайте работу!“

Он удалился, что-то ворча про себя. Но когда в следующий раз давали пищу, он опять был тут, терся возле Деркка и Рудольфа и наблюдал за всем, что происходило.

Некоторые мужчины дрались и отнимали еду у своих соседей. Надзиратель не вмешивался. Но вблизи Деркка и Рудольфа драки не было. На красном лице надзирателя появилось выражение удивления, когда он заметил, что двое мужчин, сидящих бок о бок, молча делили еду друг с другом.

„Эй! – воскликнул надзиратель. – Вы оба до сих пор хватали друг друга за глотку. Что с вами случилось?“

Они переглядывались, не решаясь отвечать.

„Ну!“ Надзиратель терял терпение. „Отвечайте!“

„Когда я однажды выхватил его рацион, – прибавил другой и показал на своего соседа, – тот длинный – его зовут Рудольф – повернулся и дал мне всю свою еду“.

„Бьюсь об заклад, что ты ее взял!“ – заметил надзиратель.

„Да, – согласился мужчина, – но потом мне было стыдно“.

„А когда в следующий раз принесли еду, – осмелел теперь его друг, – он не ссорился со мной, а предложил свою долю.“

„С тех пор нам стало легче разговаривать друг с другом, к тому же оказалось, что мы оба из одной местности – мы жили в соседних селах и даже имеем общих родственников. Не было никакой причины драться“, – заключил он.

„После работы мы разговариваем о нашей родине, и теперь мы не испытываем ненависти друг ко другу“, – добавил мужчина, заговоривший первым.

„Рудольф говорит, что нам всем следует любить друг друга“, – сказал мужчина, сидевший рядом.

„Любить друг друга!“ – прошипел надзиратель. Но вскоре он снова появился и стоял возле Рудольфа.

„Я видел, как другие ссорились с тобой – особенно этот молодой парень возле тебя. Он взял всю твою еду. Разве это не послужило поводом для того, чтобы ты возненавидел его?“ – с любопытством спросил он.

„Это он-то? – заметил кто-то. – Да у него ни к кому нет ненависти!“

Те, что сидели достаточно близко, чтобы понять, о чем шла речь, закивали и с удивлением смотрели на Рудольфа.

„Почему?“ – хотел знать надзиратель.

Рудольф взглянул и улыбнулся. „Потому что Бог любит меня“, – скромно ответил он.

Надзиратель с удивлением уставился на него. Деркк вдруг стал дрожать, и Рудольф озабоченно повернулся к нему. Он уже собирался-было обнять руками согнутые плечи Деркка, как надзиратель сбил его на пол.

„Ты сумасшедший. Я еще никогда не слышал подобной чепухи“.

Рудольф серьезно ответил: „Я тоже когда-то так думал“.

„Боги не заботятся о нас, – воскликнул надзиратель. – Иначе я не был бы на этом несчастном судне. А какой это Бог?“ – вдруг поинтересовался он.

„Существует только один Бог, – объяснил Рудольф. – Я нахожусь на этом судне, потому что познал Его любовь“, – с улыбкой добавил он.

Надзиратель недоверчиво смотрел на него сверху. „Тогда ты еще ненормальнее, чем я думал“, – съязвил он и удалился.

Рудольф опять поднялся и сразу же обратился к Деркку.

„Мог бы и ты поверить в такую любовь, Деркк?“ – осторожно спросил он, но Деркк отвернулся.

„Оставь меня в покое, – пробормотал он. – Я принадлежу тьме“.

Он испытывал большой страх и чувствовал себя очень одиноким, но ему не удавалось уйти от этой большой тени, которая, как он думал, витала над ним.

„Она овладела и Лайтом, – был уверен он. – Я боюсь. Я так боюсь. Темная сила хочет еще больше овладеть мной“.

Но когда Рудольф положил на него свои руки, возмож-

но, для того, чтобы утешить его, Деркк энергично оттолкнул его.

Плетка надзирателя снова призвала их к работе. Работая веслом, Деркк ощущал, как в нем возрастало смирение. Он вспомнил о каменном поясе высоко в горах позади своего дома. Там, на горе обетов, собрались племена, чтобы дать клятву. Там они обменялись серебряными слитками, а клятву скрепили кровью.

Потом они разошлись. Дело было сделано, боги были умиротворены.

Тогда Деркк не очень боялся богов, но теперь, когда он знал, что принадлежал им, что от них ему никуда не деться, он был глубоко напуган.

Деркк решил, что во время следующего отдыха он больше не будет обманывать Рудольфа. Некоторые мужчины пробрались к Рудольфу, их впалые лица выражали интерес, и они забрасывали Рудольфа вопросами.

„Как мне хотелось бы верить, как ты, Рудольф, – задумчиво сказал один из них. – А полюбил бы меня Бог?“

„Да“, – заверил его Рудольф. Деркк почувствовал себя вытолкнутым в еще большую тьму.

„Видите ли, – объяснял Рудольф, – Бог носил такие же цепи и был поругаем людьми. Он позволил, чтобы Его мучили и безропотно пошел на смерть“.

Деркк злился, когда слышал, что Рудольф говорил такие вещи. Для остальных тоже многое было непонятным.

„Это чушь, – высказался один. – Неудивительно, что надзиратель считает тебя сумасшедшим!“

Деркк не считал, что это чушь, но темная сила, владевшая им, возбуждала в нем ярость. Ему хотелось сделать Рудольфу больно за то, что он говорил подобное.

Они еще долго говорили друг с другом. Некоторые мужчины заснули, другие все еще задавали вопросы. Деркк лег, но не мог уснуть. В последующие дни беседа продолжалась, как только для этого предоставлялась

возможность, и Деркк заметил, как просветлялись лица мужчин. От него не укрылось, что в них пробуждалась надежда, тогда как он становился все более расстроенным. Теперь он ненавидел Рудольфа больше, чем кого-либо. Остальные заметили это. Они кипели на него злобой и старались навредить ему. Но Рудольф всегда защищал его.

„Иногда бывает трудно вынести свет“, – объяснял он им.

При этих словах Деркка охватила ярость. Он бросился на Рудольфа, кусался, царапался и колотил его. Остальные, несмотря на мешавшие им цепи, пытались оттащить его, но он с криком отбивался.

„Ага, – радовался он, увидев, что они отпрянули от него. – Я сильнее их всех. Это сделала во мне темная сила. Я их всех побью. Я убью их всех!“ – кричал он наполовину по-латыни, наполовину на своем родном языке. Ему самому эти слова казались чужими, будто исходили от кого-то другого.

„Он сошел с ума!“ – слышал он вокруг себя их голоса. Он видел их взгляды, полные страха.

„Ну“, – кричал он. Он заметил, что Рудольф заключил его в свои объятия, когда в воздухе раздались ужасные свистящие звуки тяжелой плетки. Деркк слышал их, но не ощущал боли.

„Это темная сила, – думал он. – Она защищает меня от боли“.

Рудольф больше не прикрывал его. И тогда Деркк увидел кровь – кровь Рудольфа, не свою собственную. Он все еще не понимал, что случилось.

„Бросьте этого безумца в море!“ – повелел надзиратель, и два крепких мускулистых матроса схватили Деркка.

„Неужели я действительно сошел с ума?“ – подумал он, и как будто в ответ, услышал, как Рудольф быстро сказал:

„Нет! Нет! Не делайте этого! Он не сошел с ума. Это мои слова привели его в ярость“.

„Значит, виноват ты?“ Возмутителей покоя следовало

наказать, и надзирателю нужен был козел отпущения. Оба матроса увели Рудольфа, а Деркк сидел и смотрел на все это. Он все еще не был совершенно уверен в том, что произошло в действительности, и не заметил, что только угрожающее присутствие надзирателя с плеткой защищало его от расвирепевших мужчин.

Позднее принесли Рудольфа, почти без сознания. Деркк со страхом наклонился над ним. Он смутно сознавал, что еще несколько мгновений назад он хотел оскорбить его. Теперь он уже не испытывал к нему ненависти. Темные чувства оставили его. У него болела голова, ему очень хотелось пить, но когда ему принесли воды, Деркк не стал пить. Вместо этого он смачивал ею потрескавшиеся, кровоточащие губы Рудольфа.

„Это был не я, Рудольф, не я, – бормотал он. – Это была тьма, волшебство и сила страха. О Рудольф, что ты говорил о свете? Приди же ко мне снова, Рудольф, я хочу объяснить тебе, что это была тьма, а не я“.

Пока остальные спали, Деркк дежурил возле Рудольфа. Повсюду были тени, но они не могли достать его, пока он, как мог, заботился о Рудольфе. Прошло много времени, прежде чем Рудольф застонал и открыл глаза. Он увидел полное страха лицо Деркка и протянул ему руку. Деркк ухватил ее и почувствовал, как тьма отодвинулась подалше.

„Отойди, – сказал он вполголоса. – Отпусти и Лайта. Я хочу теперь принадлежать свету, Лайт тоже“. Наверное, он потом задремал, положив свою голову рядом с головой Рудольфа. Он слышал, как стонал Рудольф и положил свою руку под голову друга. Затем они оба снова заснули, а проснувшись, Деркк почувствовал на лбу руки Рудольфа. Тьма почти оставила его.

„Прости меня, Рудольф. Ты спас мне жизнь“.

„Я видел тьму, которую остальные называли безумием. Ты допустил, что твое сердце закаменело, Деркк. Ты был там, где к тебе было трудно подступиться“.

„Иначе не скажешь“, – со злостью заметил мужчина, сидевший сзади.

„Он хотел убить тебя, Рудольф“.

„Да, это верно, – согласился Деркк. – Я всех вас хотел убить, особенно Рудольфа“.

„Сначала бы мы убили тебя!“ Со всех сторон послышались слова мрачного одобрения.

„Убийства не произойдет, – заметил Рудольф. – Это уже проявление тьмы“.

„Они хорошо поиздевались над тобой, – с сочувствием заметил мужчина. – И ты все равно не питаешь к ним ненависти?“

„Нет“, – ответил Рудольф.

„Я их всех ненавижу“, – сплюнул Деркк. Он все еще видел страх в глазах мужчин и чувствовал, что они считают его ненормальным.

„Я вовсе не сумасшедший, – запальчиво сказал он, – но я никогда не перестану ненавидеть. Чтобы остаться в живых, надо ненавидеть“.

„Раньше мы тоже так думали, – сказали на это оба мужчины, которые были из соседних деревень, – но Рудольф показал нам другой путь“.

„С тех пор, как Рудольф рассказал нам о любви, я намного более счастлив, – сказал один. – Я даже могу поверить тому, что ты нам рассказал, Рудольф: тому, что любовь может заставить человека пожертвовать своей жизнью ради друга“.

Началась дискуссия. Один мужчина считал: „Вполне возможно, что Бог смог сделать это – отдать Свою жизнь за других – но людям это невозможно!“

„Рудольф почти сделал это ради меня, – сказал Деркк так тихо, что остальные ошеломленно посмотрели на него. – Они бы убили меня, Рудольф, но ты спас меня – и вот какое ужасное наказание ты претерпел.“

„О Деркк, как же я мог допустить, чтобы тебя выбросили в море?“ – спросил Рудольф, и все засмеялись. Неко-

торые язвили, ибо для них это было бы забавой, но другие многозначительно переглянулись.

„Я заслуживал этого“, – серьезно сказал Деркк. Теперь, когда тьма отступила, в нем освободились многие чувства и желания, в том числе глубокий стыд и стремление к свету, настоящему свету, который никогда не скроет тьма.

Они снова принялись за работу. После сна избитое тело Рудольфа затекло, и он с трудом мог шевелиться. Деркк мучительно наблюдал, как раны его друга стали сочиться кровью. Грязное и залитое кровью, покрытое шрамами лицо Рудольфа было очень бледным.

„Не нужно!“ – закричал Деркк, когда Рудольф, стиснув зубы, хотел потянуть тяжелое весло.

Он был рад, что Рудольф позволил ему хоть немного поработать одному.

Деркк обливался потом. Теперь он не мог думать ни о чем другом, как только о своей работе: раскачивания, напряжение мускулов требовали всех его сил. Но у него создалось впечатление, что это была борьба против тьмы. Силы, которые он раньше призывал, не желали так просто оставить его. Через несколько часов мужчинам был предоставлен отдых. Его голова скатилась к руке Рудольфа.

„Помоги мне! – стонал он. – Дай мне твой свет!“

Потом он уснул, но невидимая борьба продолжалась. Деркк кидался и обливался потом от страха.

Он заморгал и увидел Рудольфа, стоящего рядом с ним на коленях.

„Помоги мне, Рудольф!“ – снова закричал он.

„Успокойся, – сказал Рудольф, – существует имя, которое сильнее всех сил на этой земле. Ничто не может противостоять ему или победить его“.

Деркк лежал совсем тихо. Руки Рудольфа мягко покоились на нем. Он осторожно шептал ему хорошие, целительные слова. Деркк не понимал их, но лежал и слушал.

„Деркк, – сказал наконец Рудольф, – веришь ли ты, что

борьба против тьмы, смерти и темных сил пришла к концу, закончившись победой?”

Деркк сел. Остальные вокруг спали. Плечи Рудольфа опустились. Лицо его выглядело серым и изможденным, но он с улыбкой встретил взгляд Деркка.

„Ты выиграл для меня эту борьбу, – отвечал Деркк. – Я не мог прогнать тьму. Я недостаточно силен“.

„Это было вовсе не благодаря моей силе, – сказал Рудольф. – Хочешь ли ты отвратиться от тьмы, Деркк?“

Деркк кивнул головой в знак согласия. „Мне нужен только свет, – горячо заверил он. – И моему брату Лайту, Рудольф. Я знаю, он тоже был во власти тьмы, потому что он был со мной в кругу, когда ...“ Он провел рукой по глазам. „Нет! Я не хочу больше вспоминать об этом. Теперь все кончено“.

„Я молился о том, чтобы и Лайт смог освободиться от тьмы, – рассказывал ему Рудольф. – Возможно, будет нелегко достичь его словами любви. О Деркк, избери же теперь путь любви“.

„Да, я хочу идти твоим путем“, – ответил Деркк.

„Тогда следуй за Господом Иисусом“, – призвал его Рудольф.

Деркк отпрянул. Он вдруг вспомнил что-то. „Так звали Бога Клемент“, – заметил он.

„Я знаю, Клемент сам ходил в цепях за то, что последовал Иисусу“.

„Я не знал этого“, – медленно сказал Деркк.

„Не знал? Разве за время твоего пребывания у Клементта кто-нибудь отнесся к тебе недружелюбно?“

„Нет, – согласился Деркк. – Я спрашивал себя, почему. Сначала я думал: они хотели, чтобы я выжил, для того, чтобы не пропали их деньги, которые они уплатили за меня. Они всегда были дружелюбны, а в их доме было что-то мирное и настоящее, – сказал он растягивая слова, как будто разговаривая сам с собой, – но до меня это не доходило, потому что я принадлежал тьме“.

„Они молятся о тебе“, – рассказал ему Рудольф.

„Молятся – обо мне?“ Деркк был тронут. „Я ненавидел их, а они проявили ко мне истинную любовь“, – со стыдом заключил он.

„Это в духе Иисуса, – сказал Рудольф. – И я ненавидел и однажды убил человека“.

„Ты, Рудольф?“ Деркк был ошеломлен.

„После одного бунта я упал без сил у дома Клемента, – рассказал ему Рудольф. – Я был пьян, жесток и ненавидел весь мир. Но Клемент и Приска подобрали меня и ухаживали за мной. Они долго держали меня у себя, давая пищу и одежду. Их любовь привлекла меня. У меня не было дома, никого в мире, кто бы мог позаботиться обо мне. Я спрашивал их, почему они делали это, и они рассказали мне про Иисуса из Галилеи“.

„Расскажи мне побольше, – просил Деркк. – Когда ты беседовал с другими, я ненавидел тебя и не мог тебя слушать“.

И Рудольф рассказал ему о Сыне Божиим, пришедшем в мир для того, чтобы умереть заместительной смертью за наши грехи. Об Иисусе, Сыне плотника, любившем грешников, исцелявшем больных и повелевавшем силами тьмы. О Христе – Господе, не оставшемся во мраке могилы, но воскресшем и живущем.

„Всякий, кто доверится Ему, – закончил Рудольф свой рассказ, – обретет силу к новой, осмысленной жизни и после смерти будет с Ним“.

Когда надзиратель прошел мимо со своей плетью, чтобы призвать их к работе, он снова остановился возле Рудольфа. Ошеломленный, он смотрел на сияющее лицо Деркка.

„Ты снова победил!“ – заметил он. Он перевел взгляд с одного на другого и осторожно потрогал спину Рудольфа. „Я принесу тебе мазь для твоих ран“.

„Благодарю“, – ответил Рудольф.

Когда мужчины вяло взялись за работу, Деркк сде-

лал глубокий вдох, а затем громко и отчетливо закричал: „Я тоже следую за Иисусом, как Рудольф. Не бойтесь меня. Я не испытываю ни к кому ненависти, даже к надзирателю“.

Нападение

„Тебе нездоровится, Рудольф“, – озабоченно сказал Деркк.

Дыхание Рудольфа было тяжелым и прерывистым. Он отрицательно покачал головой и продолжал работать. Деркк знал, что и после работы Рудольфу не удастся отдохнуть: мужчинам хотелось побеседовать. Рудольф слушал, вступал в их разговор и терпеливо отвечал на вопросы, чтобы им не утратить надежды, которую он принес.

„А теперь дайте Рудольфу отдохнуть“, – обычно просил их Деркк, хотя знал, что Рудольф будет спать плохо. Он кидался во сне, и Деркк слышал, как он просил воды.

В смятении Деркк греб за себя и за Рудольфа: теперь его плечи были такими же сильными, какими когда-то были плечи Рудольфа. Наступала осень, волны поднимались все выше и с ревом бились о судно. Деркк знал, что Рудольфу был нужен уход и покой; он был слишком слаб, чтобы выдержать ужасное напряжение, необходимое для того, чтобы грести против волн.

„Удвойте силу! – заорал надзиратель. – Нас атакуют. За нами гонятся пираты с севера. Гребите сильнее, вперед, собаки!“ Он обрушил на них проклятия, а плеть его угрожающе засвистела.

Деркк стиснул зубы и греб сильнее, чем ожидал сам от себя. У Рудольфа как раз был приступ кашля. Его грязное, изможденное тело бессильно раскачивалось взад-вперед.

„Эй ты, ну-ка поживей!“ Плетка опустилась на спину Рудольфа, и брызнула кровь. Деркк вдруг потерял самообладание. Он бросил весло. Оно развернулось и ударило в сидевших сзади мужчин, которые неистово закричали от резкой боли. Не обращая внимания на их крики, Деркк замахнулся, чтобы ударить надзирателя в лицо.

„Не слишком ли часто ты бьешь Рудольфа?“ – закричал он. Он почувствовал треск костей и торжествующе ударил его еще раз, тогда как мужчины вокруг него орали, а надзиратель стонал от боли.

„Прикончи его, пока на его крик не сбежались другие!“ – закричал один. Вопреки цепям и тяжелым веслам, они сбили надзирателя на пол и в пылу гнева дали волю своим чувствам.

Разорвав в клочья его тунуку, они заткнули его рот лоскутами.

„Гребите же вы, мерзавцы, гребите! – орал над ними чей-то голос. – Что с вами случилось? Нас берут на таран!“

Сильный толчок сорвал их с мест.

„Э-э-э!“ По-видимому, Деркк закричал вместе со всеми. Напавшее судно снова и снова с фланга атакывало их маленькую галеру. Деревянные стены трещали и раскалывались.

„Мы утонем! Нам не спастись!“ Кто-то заглушил их крики и орал: „Ключи!“

Ключи с силой были сорваны с пояса надзирателя и поднесены к его глазам.

„Который?“ – кричали они.

Шесть человек держали надзирателя, прижав его красное, пучеглазое лицо к полу. Он задыхался. Деркк разломил ему скулу, из носа текла кровь, но он все еще бурно сопротивлялся.

„Не скажу! – гнусавил он. – Помогите!“

Они снова поспешно заткнули его рот тряпкой, и человек, завладевший ключами, начал лихорадочно пробовать один ключ за другим – в связке их было двадцать – чтобы ослабить зажимы, которыми их ноги были прикреплены к стене судна.

Однако, остальные кинулись на него, пытаясь вырвать ключи из рук.

Пока они дрались за ключи, атакующее судно снова и снова брало их на таран.

Тогда кто-то схватил плетку надзирателя. Закрутив длинный ремень вокруг его шеи, он крепко затянул его.

„Который ключ? Покажи нам нужный ключ! – повелел он. – А ну, кончай! – закричал он на других. – Пусть он покажет нам ключ, пока мы все не пошли ко дну“.

Прекратив свалку, они по очереди держали ключи перед распухшим лицом мужчины.

„Вот – этот, – прохрипел надзиратель. – Освободите меня!“

Но они снова заткнули ему рот и еще крепче стянули ремень.

В ту же минуту борьба за ключ началась заново. Когда они все еще вырывали ключи друг у друга, деревянные стены, наконец, поддались, и вода хлынула в судно, заливая Рудольфа, Деркка и мужчин, боровшихся рядом с ними.

Рудольф был близок к обмороку и сплевывал кровь и морскую воду.

„Лучше помогите друг другу! Ведь это наша последняя надежда!“ – кричал Деркк. Теперь ему было стыдно за свое нападение на надзирателя. Но в общей неразберихе и из-за шума прибывающей воды никто не услышал его.

Сломав голову Деркк нырнул в толпу мужчин. Для своего возраста он был силен. Ошеломленные, они отпрянули.

„Мы же хотим света!, – кричал он. – Некоторые из нас могли бы спастись, если бы вы перестали драться“.

Теперь мужчина, державший ключ, мог выпрямиться.

„Поживей, – выпалил Деркк. – Освободи себя, а потом дай мне ключ для Рудольфа“.

Все это время вода прибывала, но из-за цепей ее поток не мог увлечь их за собой. Многие уже тонули, пока мужчина с ключом невыносимо долго поворачивал его в замке и освобождался от своих кандал. Он спешно передал связку ключей Деркку, и на этот раз никто не набросился на нее. Деркк стоял наполовину в воде и нащупывал замок. Ключ не хотел проворачиваться, но наконец ему это удалось.

„Плыви, Рудольф!“

Но Рудольф покачал головой и беспомощно закашлялся. Деркк понял. Он как можно быстрее освободился от цепей на своих ногах и передал ключ дальше.

Бурлящая вокруг них вода отнесла Рудольфа к надзирателю.

„Он мертв, – сообщили те, которые были поближе. – Да поторопитесь же с ключом!“

Рудольф засунул руку в карман надзирателя и нашел в нем тяжелый напильник. Он принялся освобождать от цепей находившихся рядом с ним мужчин. Пилить под водой было тяжело, но он не переставал, хотя то и дело задыхался.

Деркк взялся за другой конец напильника. Вдруг новый натиск атакующих откинул их к стене. Освободившиеся от цепей мужчины кувырком полетели на них.

„Скорее, Рудольф. Плыви. Мы сами попробуем освободить себя“.

Хлынувший поток воды сбил Рудольфа. Деркк поплыл к нему, вырвал из его рук напильник и передал его мужчинам.

„Помогите мне“, – обратился он к мужчинам, которые уже освободились.

Судно начало тонуть. По мере того, как эта темная грязная тюрьма наполнялась водой, некоторым удалось выплыть, чтобы попробовать счастья в открытом море.

„Вынесите Рудольфа“, – кричали теперь все оставшиеся. Теперь, казалось, никто не испытывал страха. Двое мужчин, ставших друзьями, все еще были прикованы друг ко другу.

„Мы не боимся утонуть. Мы верим в то, о чем рассказывал нам Рудольф“.

„Мы обречены на свободу по ту сторону смерти. Продолжай, Деркк, позаботься о безопасности Рудольфа“.

Деркк набрал в легкие воздуха. Его руки крепко ухватили Рудольфа, и он попытался выбраться на поверхность бурлящей воды.

Вокруг барахтались люди и лошади, плыли обломки корабля. Однако, вражеский двухпалубник тоже терпел крушение. С нижней палубы вырывался огонь, и рядом с ними в море с шипением падали обугленные и горящие обломки и куски дерева.

Деркк дрожал в холодной воде и ухватился за проплывавшую рядом доску. Его не интересовало, какому из обоих кораблей она принадлежала. Доска была широкой и достаточно длинной, чтобы послужить плотом. Теперь он попытался подсунуть ее под бесчувственное тело Рудольфа. Несмотря на то что тяжелые цепи вокруг запястий и на ногах мешали ему, после больших усилий ему все же удалось сделать это. Он пытался отгонять мысль о том, что ему и другу будет почти невозможно благополучно добраться до берега.

Хаос заметно увеличился. Их судно исчезло. С вражеского корабля доносились отчаянные крики. Его то-

шнило, к горлу подступал комок, и он сплевывал морскую воду.

Сквозь пламя над огромными волнами Деркк увидел вдали какие-то неясные очертания. Он знал, что это была земля. Отталкивая плот, на котором лежал Рудольф, он затем плыл за ним вслед. Он спрашивал себя, как они смогут выжить в том случае, если им удастся добраться дотуда: голые, в цепях, со смертельно больным Рудольфом.

Наступила темнота, Деркк все еще плыл. Он совсем потерял ориентир и давно уже не чувствовал рук, охвативших доску. Он знал, что долго не выдержит, и спрашивал себя, смог ли спастись кто-либо из рабов и солдат. Он надеялся, что не попадет на глаза солдатам, ибо тогда он, без сомнения, попытался бы убить их или выдать другому кораблю.

Вдруг из-за туч показалась луна. Неподвижное тело Рудольфа лежало на доске и при тусклом свете луны было совсем белым.

Деркк знал, что его силы на исходе. Теперь, когда светила луна, он различал берег, к которому плыл. Он не имел представления, в какой части страны они находились. Перед ним длинной непрерывной грядой возникли чужие скалы.

„Деркк, что случилось? Где мы?“

Это был голос Рудольфа. Он поднял голову. Внезапный свет, по-видимому, привел его в сознание.

„Деркк, что с тобой? Не плачь же!“

Но Деркк не мог перестать плакать. Было так удивительно услышать голос Рудольфа.

Он, вероятно, заоченел от холода, но казалось, к нему снова возвращались силы.

„Как долго ты уже так толкаешь меня? Какой обузой я стал для тебя“. Рудольф соскользнул и ухватился за доску рядом с Деркком.

„Мы поплывем вместе“, – решительно сказал он.

„Если бы только наши руки были свободными“, –

перевел Деркк дыхание и выплюнул воду. Его руки онемели, но он все крепко держал доску. Рудольф окунул голову в воду и подтолкнул доску. Их носило по бушующим волнам, и они, как могли, противились им.

Скалы стали ближе, из-за них пробивались первые лучи солнца: начинался новый день.

„Деркк, я узнаю эту скалу. Да, я совсем уверен! Мы на северо-западе. Мне трудно поверить. Здесь я дома. Люди говорят здесь на моем языке...“

Деркку тоже верилось с трудом. Он заметил, что силы Рудольфа снова стали убывать. Доска была тяжелой, как свинец. Деркку казалось, что цепи на руках тянут его вниз.

И тут его подхватила волна.

Деркк с ужасом увидел, как над ним выросла огромная стена воды. В течение какого-то мгновения она нависла над их головами – плотная серая масса, молчаливая и угрожающая.

„Берегись!“ – вскрикнул Деркк, когда она обрушилась на них. Доску вырвало из-под них. Деркк чувствовал, как под пенящейся тяжестью воды он погружался все глубже. Потом его подняло, тяжело бросило вперед и снова выбросило назад.

Он не мог видеть Рудольфа и не мог больше бороться. Прилив подхватил и понес его, почти потерявшего сознание, все дальше и дальше.

Пещера Таммори

„Ну, идем же!“ До сознания Деркка доходил то ли бранящийся, то ли упрашивающий голос. Моргая, он открыл глаза.

„Вот это уже лучше!“ Голос был подбадривающим. Несмотря на то, что слова звучали непривычно, Деркк мог догадаться о их значении, потому что язык был похожим на его родной.

„О, ты не первый и не последний, хотя и самый молодой: маленький, голый червяк“. Деркк понял последние слова наполовину и возмущенно поднял голову. Беззубый рот над ним широко открылся, когда старая женщина начала смеяться.

„Идем, парень, идем! – продолжала она. – Ветер несет дождь, и это не самое лучшее место, чтобы лежать после ночи, проведенной там“, – она показала в сторону моря. „Можешь считать, что тебе улыбнулось счастье, ибо не кто другой как я – старая Таммори с утеса, нашла тебя выброшенным на берег волной“, – продолжал голос, в то время как Деркк поднимался. Он увидел, что старая женщина укрыла его теплой овечьей шкурой. Затхлый запах почти вызывал у него рвоту. Но от него не укрылось, что он был укрыт теплее, чем она в своих жалких лохмотьях. Угадав его мысли, она опять засмеялась.

„Ах, паренек, я сама вырастила сыновей. Правда, это было уже давно“, – рассказывала она, и Деркк понял, что она имела в виду.

„Они ушли на войну и не возвратились – никогда“, – добавила она печально. Холодный морской ветер развеивал лохмотья вокруг ее худых, голых ног. „Что такое?“ Она удивленно взглянула, так как Деркк схватил ее

руку, которая была маленькой и костлявой, будто когти птицы. Он склонился к ней челом.

„Значит, ты еще знаешь традиции нашего племени, – пробормотала она и удивленно посмотрела на него. – Однако, я всего лишь старая Таммори, и в моих жилах нет голубой крови“.

„Бабушка, – сказал Деркк на своем языке, как чужой, но в надежде, что она хоть чуть-чуть поймет его. – Ты дала мне покрывало, которое теплее твоего“. Она ничего не отвечала. Может быть, она все же не поняла его. Деркк смотрел в другую сторону, туда, на мрачное море.

„Со мной был еще один, – сказал он по-латински. – Спасся ли еще кто-нибудь?“

„Никто“. Она покачала головой. Он с трудом понимал ее латынь. „Волны выбросили тебя на берег, и ты был больше мертв, чем жив“.

Деркк опустил на гальку и закрыл лицо руками.

„Рудольф, Рудольф, лучше бы мне было утонуть с тобой“, – сказал он больше для себя. Старая женщина положила руку на его плечо.

„Пошли, – утешала она его. – Начался дождь. Пошли!“

Деркк не обращал внимания на ее слова и смотрел на воду. Но она схватила его за руку. Безутешно спотыкаясь, Деркк шел по берегу, позволив Таммори вести себя, как ребенка. Все это время она не переставала болтать, и полупонятные слова, по крайней мере, на некоторое время отвлекали его от грустных мыслей. „Вот моя хижина“, – сказала она наконец. По скалам они добрались до пещеры. Вход в нее был завешан старыми шкурами. Посредине, между камнями, был разложен огонь. Глаза Деркка начали слезиться от дыма, но он все-таки с благодарностью приблизился к очагу.

Все было почти, как у него дома. Ему показалось, будто это был сон.

В черном котелке над огнем что-то кипело. Таммори взяла черпак, погрузила его в котелок и протянула Деркку

дымящийся бульон. Деркк взял его и уже хотел было пить его, как вдруг что-то вспомнил. Несмотря на то что хозяйка с любопытством наблюдала за ним, он склонил голову в молчаливой благодарственной молитве.

Жидкий горький суп – его вкус показался ему на редкость домашним – обжег ему рот. Он выпил весь черпак, а Таммори все это время не спускала с него глаз.

„Он из одних кореньев и диких трав со скал, – объяснила она и снова наполнила черпак. – Это пища бедных, она не очень питательна. Но она согреет тебя и утолит голод“.

Он не понял ее, но все же кивнул головой. Он опять все выпил и в третий раз опустил в котелок черный железный черпак.

„Тебе тоже нужно что-нибудь попить, Таммори“. Он протянул ей черпак. Она удивленно и радостно взяла его у него.

„Мне нужно дальше“, – промолвил он, спрашивая себя, однако, куда же ему идти. В его сердце, как никогда, горела тоска по родине. „Благодарю, бабушка“, – ска-

зал он на родном языке и, повернувшись к ней спиной, начал отвязывать овечью шкуру. Но ее когтистая рука обхватила его запястье.

„Да куда же ты пойдешь? – обратилась она к нему. – С наручником, нагой, в такой холод? И к тому же, скорбящий о том, который погребен там, о своем друге, который даже не может получить горького супа бедных“.

Деркк все еще сидел к ней спиной и тихо сказал по-латински: „Я верю, что он ест хлеб в раю“.

„Что ж, – сказала она на том же языке, – если боги действительно добры – хотя я не очень-то верю – с твоим другом все в порядке, и тебе тем более следует позаботиться о самом себе. Вчера я видела, как солдаты обыскивали скалы. Они говорили о кораблекрушении и о сбежавших рабах“.

Деркк понял, что она сказала, и удивленно повернулся. „И ты все-таки приняла меня?“ – с любопытством спросил он.

„О паренек, – залопотала она на своем языке, и глаза у нее блестели, – ты не первый, кто нашел приют в хижине старой Таммори, пока солдаты рыскали снаружи. Не думай больше об этом. Отдохни у огня!“

Тут она встала и начала хозяйничать в пещере. Она явно привыкла к тусклому свету. Деркк сонливо наблюдал за ней. От дымного огня у него слезились глаза. Тело затекло, и он слишком устал, чтобы раздумывать дальше. Несмотря на то что он скорбел по Рудольфу, он крепко уснул.

Деркк проспал много часов подряд. Когда он проснулся, огонь почти затух, и в пещере стоял запах свежеевыпеченного хлеба. Он увидел ряд плоских крупяных лепешек, но самой Таммори нигде не было видно.

Деркк подошел к выходу и осторожно отодвинул в сторону шкуру. Был отлив. Деркк задрожал от холода, когда в пещеру проник ветер с моря. На расстоянии всего каких-то ста миль – он знал это из того, что рассказал ему

о своей родине и народе Рудольф – лежал южный берег Британии. Сердце Деркка начало биться быстрее. Путь через суровое море был короче, чем к дому Клемента далеко на юге. Какое одиночество навевал на него вид берега и моря в заходящих лучах солнца, моря, отобравшего у него Рудольфа! Тут он заметил Таммори, снующую по гравии. Она сгибалась на ветру и несла связку дров.

Он побежал ей навстречу, и она с радостью отдала ему ношу, хотя и пожурила за то, что он не остался в своем убежище.

„Смотри-ка, что у меня есть“, – сказала она, когда они дошли до пещеры.

„Напильник!“ – воскликнул Деркк.

„Чтобы освободить тебя, – пояснила она, – а вот и одежда для тебя“.

„Где ты ее взяла?“ – спросил Деркк, разводя для нее огонь. Она отвечала на своей ломаной латыни: „Там, в селении за скалой еще живут люди, которые помнят, что старая Таммори – мать всех, которые сражаются против Рима“.

В ее голосе звучала горечь, а в глазах – выражение ненависти. Неужели она оказала ему помощь только из чувства ненависти к солдатам, спрашивал он себя, орудуя напильником, пока Таммори готовила ужин. Кругом летели искры, когда он распиливал оба железных кольца вокруг лодыжки и цепи, сковывавшие его запястья. Это была утомительная работа, но он не отступил, пока не закончил ее. Стали явными открытые раны в тех местах, где железо глубоко вдавилось в кожу. Когда тяжелые цепи со скрежетом упали на землю, Таммори взглянула на него. Их взгляды встретились, и на этот раз она промолчала. Она нагнулась, подняла железо и, спрятав его в глубине пещеры, вернулась, держа в руке другой предмет.

„Они принадлежали моему младшему сыну, последнему, ушедшему от меня: мальчик был примерно твоего

возраста. Только его плечи не были такими широкими, как твои“. Она протянула ему пару длинных широких штанов из необработанной шкуры.

Теперь Деркк мог понимать ее немного лучше. Он попытался благодарить ее, но она перебила:

„Твоя мать сделала бы то же самое для сына другой женщины, которого прилив выбросил на берег нагим“.

„Я никогда не знал своей матери“. Широкую, свободную шкуру Деркк перевязал вокруг ног длинным кожаным ремнем, который дала ему Таммори. „Меня звать Коль Деркк Макквил, – вежливо представился он. – Моя родина находится далеко на севере Британии“.

„Я желаю тебе благополучно добраться до нее, Коль Макквил“, – сказала Таммори и протянула ему платок, принесенный из селения.

Однако обмотавшись платком, Деркк покачал головой. „Мне нужно еще погасить один долг. Мой путь лежит на юг“, – ответил он.

Деркк еще побыл у Таммори некоторое время. Он собирал ей столько дров, что их хватало на всю зиму. Она пришла в восторг, когда он поймал двух зайцев.

„Вот уже несколько лет, как я не ела мяса. Я слишком стара для того, чтобы бегать за зайцами“, – хихикнула она.

Деркк часто спускался к морю. Он делал вид, что ищет раков. Но в действительности он глядел, как подымалась и опускалась вода, до тех пор, пока не пробирал холод и его голые ноги глубоко погружались в песок.

Когда он возвращался, Таммори все время вертелась возле него.

„Посмотри-ка, я сделала мазь, чтобы залечить раны на твоих ногах“. Она подала ему вязкую, кисло пахнущую пасту, которая причиняла ему боль, когда он втирал ее.

„Все еще больно?“ – спрашивала Таммори. Деркк кивнул головой. Он знал, что она не забыла и о другой его ране: его печали по Рудольфу. „Чтобы зажило, надо побо-

леть, Коль“, – утешала она. Деркк снова кивнул головой и усердно втирал мазь в запястья.

Прежде чем Деркк попрощался, старая Таммори наполнила ему рваную кожаную сумку хлебом и кусочками засоленного и сваренного заячьего мяса. Она вручила ее ему вместе с тяжелой кожаной фляжкой.

„Это вино, – объяснила она ему. – Пей его понемногу, ибо оно очень крепкое. Но оно согреет твою кровь и облегчит тебе путь. Каждый из моих сыновей уносил с собой такую фляжку, когда покидал мой очаг“.

Деркк склонил голову и взял корявые пальцы Таммори в свои шершавые руки.

„Благодарю, мать Таммори“.

„В твоем сердце ты носишь скорбь, но в глазах у тебя мир. Да пребудет с тобой этот мир и далее, Коль Макквил“.

„Только благодаря тебе я вообще могу продолжать свой путь“, – ответил Деркк. Кинув последний долгий взгляд на море, он повернулся и пересек скалу. Он еще несколько раз оглядывался и видел Таммори, стоящую у входа в свою пещеру. Маленькая светлоглазая женщина принадлежала к племени Рудольфа. Она сохранила его жизнь, тогда как его другу пришлось умереть.

Деркк следовал примерным описаниям Таммори и держался южного направления. Он не решился взять с собой овечью шкуру Таммори. В конце концов она уступила и протянула ему взамен старое залатанное одеяло, которое было уже таким ветхим, что едва держалось. Он повязал его вокруг плеч и в пути был рад, что имел его. Следя за тем, чтобы серая полоска моря всегда оставалась у него справа, он проделывал по скалистому берегу много километров к югу.

Путешествие длилось долго. Внутри страны он, возможно, продвигался бы скорее, однако он предпочел путь через скалы, путь, который еще издавна служил предкам Рудольфа охотничьей тропой. Он шел большей

частью от восхода солнца до наступления темноты, в остальное время он отдыхал так, чтобы перед ним было море. Но иногда он шагал без отдыха и за день проделывал 30-40 километров. Ночью он выкапывал себе ямку в защищенном месте и засыпал, плотно укутавшись в одеяло Таммори. Было холодно, но он привык к этому. Рано на рассвете он обычно брал глоток вина Таммори. Оно обжигало глотку и согревало его тело. Потом он сравнивал место, на котором лежал, и шагал дальше.

На ходу он съедал еще кусочек хлеба. Только вечером он кушал досыта. Соленое мясо вскоре надоело ему, но при ходьбе такое питание служило на пользу. Он наслаждался обретенной свободой и любовался чудесным осенним пейзажем. Папоротник и дрок были еще совсем зелеными, и последние листья на деревьях светились разноцветными красками. Как хорошо было просыпаться с сознанием того, что весь день принадлежал тебе. Но у него было необычное чувство, что он не один, что он проделывает этот путь еще с кем-то, и он радовался этому. Ему припомнились слова Рудольфа: „Иисус, Который не остался во мраке могилы, но живет...“

Когда он пересек границу племени Рудольфа и зашагал по внутренним дорогам страны, им все больше овладевало чувство беспокойства – теперь он шел через села и вокруг него были люди, шла торговля и промысел. Идти босиком по мощеным улицам было труднее, чем по грубой дороге через папоротник. Он натянул одеяло Таммори на свои длинные рыжие волосы, чувствуя себя среди людей более одиноко, чем на прибрежных скалах. На него напал страх и ощущение чего-то знакомого и горького. Внутренне он взывал о помощи, все больше приближаясь к югу, к оживленной римской гавани Массилии, еще не зная, что его там ждет.

Вот он уже увидел вдалеке ее ворота. Навстречу ему шли возвращавшиеся с рынка люди. Было совсем не легко продолжать путь, сохраняя спокойствие. Когда он

вошел в ворота, его внимание привлёк внезапный шум: по вечернему небу с запада летели шесть диких гусей. Никто больше не заметил этого, только Деркк остановился посреди дороги, уставившись в небо. Его толкали люди, согнувшиеся под тяжестью своих нош и нагруженные товарами, которые они купили на рынке.

Сердце его расширилось и на крыльях устремилось к гусям.

„Иди же, парень. Неужели тебе больше нечего делать, как целый день глазеть?“

„Извините“, – пробормотал Деркк и отвернулся, чтобы продолжать путь.

„Эй, не обижайся!“ – Обратившийся к нему оказался коренастым крестьянином, державшим подмышками визжавшего поросенка.

Деркк посмотрел на него. На него дружелюбно смотрела пара черных глаз, и Деркк улыбнулся в ответ.

Он вдруг почувствовал любовь к крестьянину и всем людям, окружавшим его.

„Извините“, – сказал он еще раз другим тоном.

„Ничего, сынок, – ответил крестьянин. – Ты, наверное, из деревни?“

Деркк кивнул.

„Я так и подумал. Я по тебе это заметил. На рынок ты немножко опоздал. Знаешь ли, куда ты идешь? – участливо поинтересовался он. – Судя по твоему одеянию, ты родом из какого-то северного племени“.

„Я уже был здесь однажды, – заверил его Деркк, – но ты прав, я с севера. От гавани я уже знаю, как мне добраться до места“.

„До гавани тебе нужно идти все время прямо, – объяснил ему крестьянин. – Ты без труда дойдешь до нее, если только не будешь смотреть в небо. Куда ты придешь тогда, трудно предсказать!“

„Я буду внимателен, – заверил его Деркк, улыбнувшись. – Большое спасибо“.

Когда он уже шел дальше, он услышал чьи-то слова: „Этих людей с севера сразу можно узнать. В них есть что-то мирное, даже если они одеты очень бедно“.

С легким сердцем Деркк шел дальше. Когда он приближался к дому Клемента, все кругом стало знакомым. Не прошло много времени, как он взошел по ступенькам и тихо пересек двор. Он вспомнил, что к Клементу можно было приходить в любое время.

Все они собрались у огня, горевшего в чаше. Клемент сидел на кушетке и выглядел слабым и больным. Приска сидела рядом с ним, вытянув руки к огню. Филипп расположился на полу и что-то читал Люцию, сидевшему на низкой скамеечке и точившему перо. Когда он взглянул и увидел Деркка, его нож со стуком упал на пол. Он вскочил и со страхом прижался к Клементу. Но лицо Клемента осветилось радостью, а Филипп вскочил и подбежал к своему рабу.

„Деркк! Деркк! Как прекрасно! Ты вернулся к нам!“

Деркк откинул покрывало Таммори. Он смотрел на них, удивленный их радости и гостеприимству, которое он читал в их глазах. Теперь и Люций повеселел. Деркк стоял, опустив голову, и не произносил ни слова, но Филипп обнял его.

„О Деркк, мы так хотели узнать, в безопасности ли ты“.

„Сердечно приветствуем, Деркк! – Клемент протянул ему свои руки. – Как мы все рады, что ты вернулся“.

Деркк еще ниже опустил голову. „Я виноват перед всеми вами. Я пришел искупить свой долг.“

„Твой долг уже оплачен, Деркк“, – улыбаясь сказала Приска.

Деркк с удивлением смотрел на нее. „Но я не пригодился вам“.

„Это все в прошлом, – утешил его Клемент. – Мы тоже доставили тебе страдания“.

Деркк удивленно качал головой. „Вы обращались со

мной очень хорошо и всегда проявляли ко мне любовь. Я был так обозлен, потому что принадлежал тьме“.

„Вот этого мы и опасались, Деркк, – сказал Клемент, – но мы недостаточно помогли тебе. Нам нужно было дать тебе свободу и помочь добраться до дому“.

„Тогда я все равно принадлежал бы тьме“, – сказал Деркк задумчиво. – Уже задолго до того мы с братом отделились тайным волшебным силам нашего племени. Но имя Иисуса освободило меня“. Он посмотрел на них и заметил выражение радости и облегчения, появившееся на лицах Люция и всех остальных.

„Прости мне, Люций, – попросил он. – Я сильно ударил тебя“.

Улыбнувшись, Люций покачал головой. „Я вижу, что теперь нет основания бояться тебя“.

„Да, – согласился он. – Я обещал следовать за Иисусом. Поэтому я возвратился к вам. Человек по имени Рудольф...“

Они перебили его и закидали его вопросами.

„Как дела у Рудольфа? – удалось, наконец, задать свой вопрос Клементу. – Расскажи же нам о нем“.

Но Деркк не мог найти слов. Закрыв лицо руками, он опустил на пол, потрясенный горем, которое он так долго носил в себе. Они напрасно пытались успокоить его.

„Это случилось во время прибоя. Там нас разлучили волны, – всхлипывал он. – Мы держались за доску вместе. Меня выбросило на берег, где я был найден старой женщиной из племени Рудольфа. Она сказала, что больше никто не достиг берега“.

Клемент откинул голову на подушки. Приска держала его за руку. Она плакала, но когда Клемент снова смог говорить, в его голосе звучала радость.

„Даже если тело Рудольфа погребено под волнами, он не мертв. Ты же веришь в это, не правда ли, Деркк?“

Деркк кивнул. „Но почему я остался живым? Я всю ночь пытался спасти его. Он был намного лучше и полез-

нее меня. Мы были уже так близко у берега, возле его родины... Мои силы были почти на исходе...”

„Рудольфа спасла более сильная рука, – утешал его Клемент. – Теперь он дома, Деркк“.

На лице Клемента была та же тоска, которую Деркк уже видел на лицах двух друзей, которые скованными шли навстречу своей смерти.

„Не хочешь ли ты нам все рассказать, Деркк? – спросила Приска. – Но ты ведь проголодался“.

Деркк покачал головой. „Я все вам расскажу“.

Деркк рассказывал им до поздней ночи и сообщил обо всем, что случилось после того, как он и Гай выпустили Каллан из клетки. Они, в свою очередь, рассказали ему о дарах, принесенных друзьями, и о том, как Рудольф ходил с Филиппом в гавань.

Когда они упомянули об одноглазом, Деркк начал:

„Он вливал в меня вино до тех пор, пока я ничего больше не помнил. Иначе они бы не заполучили меня“, – с горечью добавил он. Но Приска рассказала ему, как Рудольф позаботился об этом мужчине, когда нашел его ограбленным в канаве, и Деркк замолчал. Как он презирал себя за то, что стал причастным к смерти надзирателя.

Пока они обменялись всеми новостями, дрова в металлической чаше сгорели. От долгих разговоров в горле у всех пересохло.

„Пить! – воскликнул Филипп и вскочил. – Да и поесть! Я умираю с голода, а ты, Деркк, и подавно“. Он снова обнял Деркка. „Я не знал своего брата, – заметил он. – Как хорошо иметь брата в твоём лице, Деркк“.

Деркк встал. „Я принесу вам всем пить“.

„Нет, только не сегодня вечером, Деркк, – распорядился Клемент. – У меня есть к тебе другое дело. Не принесешь ли ты перо и пергамент? Ибо перед тем, как отправиться спать, нам нужно написать то, что уже решено в сердцах“.

Деркк не догадывался, что он имел в виду, и искал

письменные принадлежности. Клемент написал и запечатал свиток, согласно которому Деркку предоставлялась свобода. Деркк только взглядами глотал написанное, которое он не мог прочесть.

„Это означает, что теперь я могу идти?“ – медленно спросил он.

„Если желаешь, – сказал Приска. – Мы поможем тебе добраться до дома“.

„Но, может быть, ты подумаешь и останешься у нас до весны. Уже поздняя осень и опасно отправляться в путь, – заметил Клемент, – в особенности потому, что тебе нужно добираться морем“.

„Во всяком случае, тебе нужно подождать, пока ты все не расскажешь Гайю“, – добавил Филипп.

„Кроме того, у Филиппа есть для тебя новость“, – улыбаясь заметил Люций. Филипп покраснел.

„Филипп женится на сестре Гая, – сообщил Деркку старик. – Свадьба состоится в феврале. Это еще одно основание для того, чтобы остаться“.

„Она милая девушка, – сочла нужным добавить Приска. – Итак, ты остаешься, Деркк, до окончания зимы?“

Деркк тщательно завернул пергамент в платок Таммори. Он шелестел у него в руках.

„Да, я останусь до весны“, – пообещал он.

„Мы очень рады этому, Деркк, – заверила его Приска. – Филипп каждый день дает уроки, а у нас с Люцием так много забот“.

„Всех больше забот доставляю я“, – печально бросил Клемент, но Приска покачала головой.

„У меня теперь сильные плечи, – сказал Деркк, – и руки“, – и он вытянул их. Приска вскрикнула от ужаса, увидев шрамы на его запястьях. Поэтому он снова быстро спрятал их.

„Я тоже носил цепи, – сказал Клемент, – но они не так сильно врезались. Шрамы зарастут“.

„Ты носил цепи по более благородной причине, как рас-

сказал мне Рудольф. Давай, я помогу тебе“, – предложил Деркк. Клемент охотно позволил ему взять себя на руки и отнести в спальню. Деркк настоял на том, чтобы ему разрешили ночью спать у постели Клемента, укутавшись в одеяло.

Глава 11

До весны

„Деркк, Гай пришел“, – Филипп привел с собой Гайя, чтобы дать ему возможность возобновить свою дружбу с Деркком.

Деркк как раз занимался тем, что срубал старый каштан.

Деркк работал уже долго. Он распиливал дерево на куски, когда его позвал Филипп, за которым следовал Гай, смущенно смотревший на Деркка.

„Я рад снова видеть тебя“.

Деркк улыбнулся. „Ты всегда хорошо относился ко мне, Гай“, – просто ответил он.

Они стояли рядом и восхищались, как ловко Деркк справлялся со столь трудной работой.

„Мама обрадуется. Это дерево уже давно беспокоило ее. А кроме того, посмотри, сколько отходов на растопку. Мы хотим тебе помочь, Деркк, то есть, если два таких писца, как мы, вообще сможем быть тебе полезными“, – заметил Филипп.

„Писца?“ – переспросил Деркк, снова принявшись за огромный ствол.

„Да, мы целыми днями сидим за пергаментами. Посмотри-ка!“ – он показал Деркку свою правую руку. Кончики его пальцев были в чернилах, а мозоль на среднем пальце свидетельствовала о систематическом пользовании острым, тонким пером.

„И мои так же выглядят“, – счел нужным добавить Гай.

Деркк протянул свои руки, и они засмеялись, увидев разницу. Крепкие, широкие ладони Деркка были по крайней мере в два раза больше, чем ладони писцов.

„За работу, братцы, а то мы не много сделаем, – заметил Филипп. – Давай, поможем, Гай“.

„Ты будешь вспоминать об этом, когда станешь из-

вестным адвокатом, Гай“, – поддразнивал его Филипп, когда через полчаса остановился, чтобы передохнуть.

„Адвокатом?“ – переспросил Деркк, не отрываясь от работы.

„Да, двоюродный брат моего отца – адвокат, – объяснил Гай. – Они хотели бы, чтобы я продолжил семейную традицию“.

„Сразу после нашей свадьбы, весной, он поедет в Рим. Позавидовать можно!“

Со двора донесся голос Люция: „Филипп, твоя мать говорит, что вы сделали уже достаточно. Заходите. Она что-то принесла для Деркка“.

Приска шла им навстречу. „Благодарю за ваш тяжелый труд, – сказала она. – Деркк, сегодня после обеда я была с Люцием на рынке. Тебе это нравится?“ Она показала на связку одежды, которую держала в руке. Деркк издал радостный возглас, а остальные окружили его, чтобы посмотреть одежду. Приска купила Деркку одежду не в римском стиле, какую он носил во время своего первого пребывания у них, а широкие штаны наподобие тех, которые принадлежали сыну Таммори, только из мягкой ткани, теплые и красиво расшитые. А также пару мягких мокасинов, пару высоких сапог и накидку с подкладом из медвежьей шкуры.

„Это и вправду все для меня?“

„Конечно, ведь тебе же нужно во что-то одеться. Одежда, которую дала тебе старая женщина, очень к лицу тебе, и ты можешь носить ее у нас. Но когда отправишься домой, наденешь вот это“, – объяснила Приска.

„Однако, такой красивой я еще вообще не носил! – возражал Деркк. – Я просто не могу ее принять“.

„Можешь, Деркк, надевай. Ты пришел к нам как сын, которого мы долго ждали, а скоро тебе предстоит отправиться в долгое путешествие“.

Деркк с благодарностью принял вещи и носил их. Только накидку и сапоги он хранил для поездки домой.

Зимние дни пролетали быстро. Деркк проводил много часов рядом с Клементом, о многом спрашивая его и слушая его рассказы. Каким счастливым и свободным чувствовал себя Деркк, когда мог сложить пред Богом всю свою вину и обрести полное прощение своих грехов. Теперь его ничто не тяготило, а в его сердце воцарился глубокий мир.

Приска и Филипп были заняты приготовлением к свадьбе. Гай часто навещал их, но Фелицита не приходила. Деркку пришлось ждать, пока с первыми нежными побегими февраля и ранними цветами в дом – уже невестой Филиппа – вошла Фелицита.

Свадьба состоялась в доме учителя, но Клемент был слишком болен, чтобы принять в ней участие. Поэтому он и Деркк остались дома. Их дом был устлан белыми платками и украшен зелеными ветками и цветами. Клемент и Деркк сидели рядом в тишине, которую ничто не нарушало вечером. Три молодых человека – одним из них был Мартин – верующий ученик Филиппа – несли какой-то необычный факел из переплетенного боярышника. Двое вели за руку Фелициту. Флейтисты и пятеро, несшие факелы, шли впереди. Деркк подошел к двери как раз в тот момент, когда Филипп взял свою невесту на руки. Ее чудесная ярко-красная фата спала с лица, когда Филипп, в сопровождении трех дружков, перенес ее через порог. Жених подвел свою невесту к Клементу. Деркк заметил, что она была очень стеснительной, еще более стеснительной, чем Гай, но когда она улыбалась, ее лицо светилось. Одна из подружек невесты подвела Фелициту к кушетке, увешанной покрывалами, сохранившимися еще со свадьбы Приски. Филипп покраснел, когда он немного неуклюже откинул желтую накидку Фелициты и развязал двойной узел длинного шерстяного пояса, обхватывавшего ее талию. Стоящие вокруг гости тактично отошли в сторону.

Гай красовался в новой тоге, приобретенной скорее для Рима, чем для свадьбы. Он познакомил Деркка с

Мартином. Глаза мальчика засияли, когда Гай рассказал ему, что Деркк знал Рудольфа. Скоро между ними завязалась беседа, и этот молодой „брат“ показался Деркку очень милым.

Но среди гостей был еще кто-то: высокий молодой солдат в форме. Так как Деркк был занят в кухне, он не заметил, как тот вошел, но когда он принес гостям еду, солдат как раз беседовал с Клементом. При этом он повернулся и посмотрел на Деркка. Их глаза встретились, и Деркк узнал Энтони – сына богача.

Несколько мгновений стояла тишина. Но Деркк снова обрел дар речи. „Приветствую, Энтони“, – сказал он, а Энтони улыбнулся в ответ.

„Я рад опять видеть тебя, Деркк. Теперь нас ничто не разделяет“, – дружелюбно обратился он к нему. И Деркк знал, что это так и было.

Энтони рассказал Клементу о своей солдатской жизни. Скоро к ним присоединился и Гай.

„Как бы там ни было, – закончил свои рассуждения Энтони, – я твердо решил никого не убивать, будь то наши враги или нет“.

Деркк думал об ожесточенных схватках на судне и о своем нападении на надзирателя.

„Ты прав, Энтони, – вмешался он. – Но как ты можешь быть солдатом с такими взглядами?“

„В том-то и вся трудность! Я еще ничего не сказал об этом моему отцу, но я уже хлопочу о том, чтобы стать врачом“.

„Врачом? В армии?“ – воскликнул Гай.

„Да, им платят мало и не очень-то уважают. Конечно, многие из них грубы и оправдывают прозвище „мясник“. Но это меня не волнует. Я думаю, что лучше лечить, чем убивать. Я уже давно размышляю об этом и в свободное время кое-чему научился от наших врачей в лазарете, – ответил Энтони. – Наверное, меня пошлют на край земли, но мне кажется, я буду счастливым – хотя и не столь сияющим, какими сегодня выглядят Фелицита и Филипп!“ Он улыбнулся счастливой паре. „Я верю, что ты найдешь свое счастье, Энтони“, – мягко сказал Клемент.

Молодой солдат кивнул. „Да, я уверен“.

„Будешь ли ты ухаживать только за солдатами? – спросил Деркк. – Или за всеми ранеными, включая врагов?“

„В армии я видел, как врачи отворачиваются от умирающих людей“, – взволнованно рассказывал Энтони. – Как раз это и помогло мне принять решение. Да, я попробую помогать всем больным. Разве не этому учил Иисус?“

„Любовь вместо ненависти, – задумчиво произнес Деркк. – Как хорошо, если бы ты поехал в мою страну, Энтони“. Он вспомнил о Таммори. „Мой народ ненавидит солдат, вторгнувшихся на юг. Я должен возвратиться и рассказать им о другом пути. Им будет трудно поверить мне, но я расскажу им, что на юге есть врач, который уехал из дома, чтобы лечить больных, независимо от того, римляне они или нет“.

Глаза Энтони засветились, когда он понял мысль Деркка.

Но Клементу вдруг стало так плохо, что у Деркка больше не было времени размышлять об Энтони, тем более о своем путешествии домой. День и ночь они с Приской ухаживали за больным, а Фелицита освещала затемненную комнату цветами и была часами в кухне, чтобы приготовить новые аппетитные блюда. Чтобы угодить ей, Клемент пытался что-нибудь поесть, но ему это плохо удавалось.

„Деркк, мне больно видеть тебя невыспавшимся, ты слишком много ухаживаешь за мной и очень мало спишь“, – вздохнул Клемент. Но Деркк только качал головой.

„Настала весна, – сказала Приска. – Гай уехал в Рим. Пора бы и тебе подумать о поездке на родину“.

„Я останусь здесь, пока вы во мне нуждаетесь“, – настаивал Деркк.

„Тебе следует подумать и о своем брате“, – напомнил ему Клемент. Удивительно, но Деркк больше не думал о брате.

„Пойди-ка немного в сад, Деркк, – уговаривал его Клемент. – Я обойдусь и без тебя“.

Деркк вышел, чтобы угодить старику. Апрельское солнце уже грело. Он обратил к нему свое лицо.

„Деркк, ты, наверное, горишь желанием попасть домой“, – сдержанно сказала Фелицита, рвавшая в саду весенние цветы для комнаты Клемента. Деркк покачал головой.

„Знаешь, Фелицита, когда я проделывал путь на юг, чтобы возвратиться к Клементу, я не знал, где находился и что встретит меня в пути, когда я приду. Но я не беспокоился об этом. Мне все время казалось, что кто-то был рядом со мной и охранял меня. Это было очень необычное ощущение, но оно наполняло меня радостью. Точно такое я испытываю сейчас. Я нужен Клементу. Я останусь здесь и буду ухаживать за ним. Все остальное тоже уладится. Я уверен, что, когда Энтони закончит свои дела, он вернется, и у него будет план для нас обоих.“

„Деркк, я могу только восхищаться тобой“, – участливо сказала Фелицита. И к удивлению обоих, встав на цыпочки, она поцеловала его в обе щеки. Осознав вдруг свою смелость, она убежала с цветами. Деркк стоял на солнце. Знакомый шум заставил его поднять глаза. Дикие утки возвращались на север. В их крыльях пел ветер, а их дикие крики раздавались в синем весеннем небе. Сердце Деркка бешено заколотилось.

„Скоро я последую за ними“, – утешал он себя и возвратился в дом, чтобы позаботиться о Клементе.

Однажды, в начале мая, Клемент умер на руках Деркка. Приска сидела рядом. На похороны приехал и Энтони. Деркк радовался тому, что теперь на нем не было мундира. Увидев их всех, Энтони почувствовал глубокую печаль.

„Клемент был для меня настоящим отцом, больше, чем мой родной отец, – доверился он Филиппу. – Я хотел приехать уже в прошлом месяце, когда ты писал мне, что он болен, но мне не дали увольнения. А теперь уже поздно“.

Филипп попробовал утешить его. Ему припомнилось, что еще совсем недавно его угнетала тишина родительского дома и он завидовал Энтони и его друзьям.

„Как дела у Тимона и Грегори?“ – поинтересовался он вечером, когда они сидели дома вместе с Приской.

„Я порвал с ними. Мне кажется, они все равно не хотят иметь со мной ничего общего“. Он сказал это без сожаления.

„Они идут своим путем, у них свои друзья. Они считают меня странным, но я рад, что больше не принадлежу к их компании“.

„А твой отец?“ – любопытствовала Приска.

Энтони пожал плечами. „Он говорит, что не хочет ничего знать обо мне, если я не изменю своего сумасшедшего плана поехать на крайний север Британии, чтобы стать „мясником полуукрощенных собак“ в мундире“, – заметил он. Филипп живо представил себе, какие ожесточенные баталии, должно быть, произошли у них в доме.

„Бедный Энтони, – сочувственно заметила Фелицита. – Как же ты поступишь?“

„Я скоро уеду. Деркк, на следующей неделе из гавани в Южную Британию отправляется военное судно. Мы могли бы отправиться с ним. Я поеду к месту квартирования солдат. А потом, возможно, я попаду на север“.

„Ах, на пути столько опасностей!“ – вздохнула Приска.

„Мне кажется, Энтони и Деркк готовы к этому“, – заверил ее Филипп.

„У тебя еще есть тот пергамент?“ – спросила Деркка Приска.

Он кивнул. Это было его единственным имуществом, если не считать одежду, которую принесла Приска. Он хранил его в ящике, в комнате Клемента, вместе с накидкой и сапогами.

„Во время путешествия ты должен иметь его при себе. Известно ли тебе, что по закону ты являешься римлянином, так как Клемент был римским гражданином?“

Деркк покачал головой. „Что это означает?“ – спросил он.

„Если бы здесь был Гай, он объяснил бы более понятно“, – вступила в разговор Фелицита.

„Это означает, – начал Филипп, – что пока ты в пределах границ Рима, тебе ничего не грозит. Тебя никто не имеет права арестовать, Деркк, а люди даже должны уступать тебе место. Ты всегда можешь встать вперед, когда видишь выстроившуюся очередь“.

„Это относится и ко мне, – заметил Энтони, – хотя отцу нужно было уплатить много денег, чтобы приобрести римское гражданство. Я думаю, мы нигде не будем идти вперед, но хорошо знать, что нас не имеют права запереть, по крайней мере, в пределах действия римского права“.

„Что ж, Деркк, готов ли ты к отъезду?“

„Отправляйся с миром, – тихо сказала Приска. – Ты великолепно относился к Клементу и ко мне. Ему ты больше не нужен, а обо мне теперь есть кому позабо-

титься, – добавила она и улыбнулась Фелиците. – Собирайся и поезжай с Энтони. Клемент отложил деньги для твоего переезда и на расходы в пути“.

Следующие дни пролетели быстро и были проведены, главным образом, в переговорах в гавани.

„Я укажу, что ты мой санитар, Деркк, – сказал Энтони. – А чтобы это звучало убедительнее, тебе следует знать, как обходиться с инструментами. Лучше всего, если я снабжу тебя санитарной сумкой“.

Так прошла неделя. Расставание Деркка с Приской и Люцием было коротким и печальным. Филипп и Фелицита проводили путешественников до гавани.

Треугольное судно, перевозившее войска, уже стояло под парусами. Деркк подумал о гребцах, находящихся в темном трюме.

„Рудольф уходил такой радостный, – вспомнил Филипп. – Как раз в этом месте мужчина заковал его в цепи“.

„Правда? И я впервые встретился ему здесь же...“ Деркк вспомнил про воду и про мужчину, который накинул на молодого пленника собственную рваную тунику.

„Да, мы тоже уезжаем радостные“, – заметил он, когда ветер надул паруса, а гребцы заняли свои места.

„Мне нужно идти“, – сказал Филипп. Фелицита с трудом сдерживала слезы. „Пошлите нам весточку, если сможете“. Филипп обнял Энтони и Деркка. Фелицита тоже заключила их в свои объятия. „Мы никогда не забудем тебя, Деркк!“ – сказала она.

„Ты всегда можешь считать себя у нас дома, Энтони, – добавил Филипп. – Я буду очень скучать по вам!“

Энтони и Деркк взошли на корабль. Потом они перегнулись через перила и махали, пока гавань не скрылась из виду.

„Ты едешь на родину!“ Энтони перекинул через плечо сумку с инструментами и медикаментами. Его мутило, но не только от качки.

„Тебе нехорошо?“ – спросил его Деркк. Энтони кивнул. „Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря: и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя“, – тихо процитировал он. „Клемент так любил эти слова. Мне кажется, они очень много значили для него, когда им с Приской пришлось уехать далеко от своей родины...“ Печаль сбежала с его лица. „Пошли, Деркк, мы еще раз посмотрим инструменты и попытаемся вспомнить, в каком случае каждым из них следует пользоваться“.

„Чтобы принести Лайту и моему народу исцеление и любовь“, – твердым голосом сказал Деркк, и они улыбнулись друг другу, а корабль тем временем вез их на запад, через открытое море.